

Андрей Николаевич Медушевский
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-4314-662X>
amedushevsky@mail.ru

Andrei N. Medushevskii
National Research University
“Higher School of Economics”
Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-4314-662X>
amedushevsky@mail.ru

Глобальный конституционализм – теория мирового правового порядка или новая политическая идеология?*

Global Constitutionalism: the Theory of the Global Legal Order or a New Political Ideology?

Аннотация. Идея глобального правового порядка, сопутствующая человечеству на протяжении всей истории его существования, приобрела практическую актуальность в новейший период как инструмент разрешения противоречий глобализации – всемирной интеграции и региональной дезинтеграции. В статье проанализированы итоги интернациональной дискуссии о глобальном конституционализме; суммированы аргументы «за» и «против» его осуществления, выдвинутые юристами-международниками, конституционалистами и политиками; реконструированы стратегии конституционализации мирового порядка. Вопреки господствующему юридическо-дескриптивному тренду, автор отстаивает понимание глобального конституционализма как этического минимума, идеологии и политики права, призванной обеспечить незыблемость самого ядра транснациональных правовых гарантий социума перед вызовами его радикальной трансформации.

*Для цитирования: *Медушевский А.Н.* Глобальный конституционализм – теория мирового правового порядка или новая политическая идеология? // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 974–1019. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-3-8

For citation: Medushevskii, A. “Global Constitutionalism: the Theory of the Global Legal Order or a New Political Ideology?” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 3 (2020): 974–1019, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-3-8>

© Медушевский А.Н., 2020

© Medushevskii A., 2020

Ключевые слова: Всемирная конституция, глобальный конституционализм, транснациональное право, конституционализация, интеграция и фрагментация международных отношений, многоуровневый конституционализм, регионализация, суверенитет, легитимность, глобальное управление, стратегии мирового порядка; этика, идеология, политика права.

Abstract. The idea of the global legal order, accompanying humanity throughout the whole history of its existence, has acquired practical relevance in the recent period as a tool for resolving the contradictions of globalization: world integration and regional disintegration. The article analyses the results of the international discussion on global constitutionalism; summarizes the arguments for and against its implementation put forward by international lawyers, constitutionalists, and politicians; reconstructs the strategies of constitutionalization of the world order. Despite the prevailing descriptive legal trend, the author defends the understanding of global constitutionalism as an ethical minimum, ideology and law policy, designed to ensure the inviolability of the very core of transnational legal guarantees of society in the face of the challenges of its radical transformation.

Key words: world constitution, global constitutionalism, transnational law, constitutionalization, integration and fragmentation of international relations, multilevel constitutionalism, regionalization, sovereignty, legitimacy, global governance, world order strategies; ethics, ideology, law policy

Статья подготовлена в ходе/в результате проведения исследования/работы (№ проекта 20-01-006 «Глобальный конституционализм: проекты, стратегии продвижения, политический вклад») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

The article is prepared during/as a result of research/work (project no. 20-01-006 “Global constitutionalism: projects, promotion strategies, political contribution”) within the framework of the Academic Fund Programme of the National Research University “Higher School of Economics” in 2020–2021 and with the state support for the leading universities of the Russian Federation “5–100”.

Введение. Теория глобального конституционализма – влиятельное направление правовых и общественно-политических дискуссий, идущих в мире с начала XXI в. Она призвана выявить и объяснить основные тенденции изменения правовых отношений в мире, связанные с процессами глобализации – усиление наднациональных и вненациональных институтов и инструментов регулирования и управления (и коммуникации между ними), имеющих «сетевой» харак-

тер, по отношению к традиционным, отражающим ситуацию Вестфальской системы – господства суверенных государств как единственных акторов международного правового процесса. Теория глобального конституционализма исходит из предположения, что в условиях глобализации возможна конвергенция двух направлений правового регулирования, представленных международным и конституционным правом – в виде их синтеза или нового вида права, определяемого как «глобальное», «наднациональное», «транснациональное» или «международное конституционное право».

По мнению сторонников глобального конституционализма, данный процесс конвергенции, определяемый формулой о «конституционализации международного права», противостоит деструктивным процессам фрагментации, ведет к гармонизации международных отношений и предотвращению конфликтов, закреплению принципов правового государства в мировом масштабе, а в перспективе – способен создать качественно новые формы космополитического права, вплоть до реализации идеала Канта о всемирном государстве. Этот тезис, однако, категорически неприемлем для их оппонентов, указывающих на идеализм данной теоретической конструкции, отсутствие в ней полноценного определения предмета правового регулирования, несоответствие ожиданий реальному положению вещей, демонстрирующему кризис глобализации – рост дезинтеграционных процессов с переходом от однополярного к многополярному миру, наконец, опасность политического продвижения теории глобального конституционализма, как несущей прямую угрозу для судеб демократии, равенства и правового государства.

В данной статье ставится ряд взаимосвязанных задач: во-первых, представить основные пункты теоретических разногласий в обосновании теории глобального конституционализма; во-вторых, выявить существующие аргументы «за» и «против» ее реализации; в-третьих, показать роль конкурирующих стратегий нового мирового порядка. Это позволяет сформулировать позицию в дискуссии, соотнести юридические, этические и политические аргументы, обосновать новую версию процессов правовой глобализации.

Глобальный конституционализм: конфликт определений, интерпретаций и область эксперимента

В самом широком смысле понятие «глобальный конституционализм» обычно расшифровывается как теория, дискурс и политическая повестка, отстаивающая применение фундаментальных конституционных принципов (верховенство права, защита прав человека, разделение властей) в международно-правовой сфере, с целью обеспечить нормативное единство, эффективность и справедливость формирующегося глобального международно-правового по-

рядка, включая, таким образом, юридические, функциональные и этические компоненты¹.

Наиболее точным эквивалентом глобального конституционализма выступает тезис о формировании особого «международного конституционного права», возникающего в результате последовательного «размывания» ранее незыблемого принципа государственного суверенитета посредством конституционализации – перенесения на интернациональный уровень фундаментальных норм, исторически выработанных в классических конституциях (прежде всего включением фундаментальных конституционных прав в международные договоры и конвенции по правам человека, практику международных судов)². Этот процесс конвергенции международного и национального конституционного права имеет три основных параметра – растущее влияние международных норм на конституции государств (степень автономности которых уменьшается); интеграция конституционных норм в международное право (его конституционализация)³; появление новых областей правового регулирования, т. е. формирование системы глобального управления, включающей создание особой системы транснациональных правовых норм и появление принципиально нового, внегосударственного типа акторов глобального процесса правового развития – международных организаций и правовых режимов, транснациональных корпораций, НПО, структур глобального гражданского общества и международных судов, действующих за рамками традиционных границ государств с возможной перспективой их вытеснения из сферы международных отношений⁴.

В то же время глобальный конституционализм как доминирующий нарратив в описании текущих изменений международного права и место процессов конституционализации международного права – остаются областью конфликтных интерпретаций по таким параметрам, как его теория и предмет, эмпирическое содержание, идеологическое значение и политическая практика⁵. Обобщение конфликтных позиций (и альтернативных нарративов) позволяет выявить основные пункты разногласий и точки взаимодействия в дискуссии о процессе конструирования глобального конституционного порядка.

¹ Handbook on Global Constitutionalism / ed. A.F. Lang, A. Wiener. – Cheltenham, UK; Northampton, Mass.: Edward Elgar Publishing, 2017; *Atilgan A. Global Constitutionalism. A Socio-Legal Perspective.* – Heidelberg: Springer, 2018.

² *Kleinlein Th., Peters A. International Constitutional Law.* – Oxford: Oxford University Press, 2018.

³ *The Constitutionalization of International Law* / ed. J. Klabbers, A. Peters, G. Ulfstein. – Oxford: Oxford University Press, 2011.

⁴ *Ruling the World? Constitutionalism, International Law and Global Governance* / ed. J. Dunoff, J.P. Trachtman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

⁵ *Peters A. Global Constitutionalism // Encyclopedia of Political Thought* / ed. M. Gibbons. – London: Wiley-Blackwell, 2015. – P. 1484–1487.

В отношении теории глобального конституционализма конфликт интерпретаций выражается в ряде типологий его концепций, основанных на различных критериях – принадлежности к различным философским традициям (феноменологические трактовки жесткого и умеренного космополитизма); степени содержательного наполнения (онтологические и деонтологические конструкции); отношении к нему (опоре на традиционные подходы международного, конституционного и сравнительного правоведения или принятию новых подходов, таких как метаконституционализм, транснациональный конституционализм или конструктивизм); опоре на старые, более нейтральные (формально-юридические) основы теории, или новые, научные школы (нормативная, функциональная и плюралистическая школы)⁶.

В отношении функциональной реализуемости конфликт интерпретаций охватывает: структуры взаимодействия элементов системы (монистические и плюралистические теории); направления регулирования (разделение их на социальные, институциональные, нормативные и конституционализм «по аналогии»); корпус вовлеченных в дискуссию источников права, в том числе с учетом специфики исторически сформировавшихся правовых семей (различные модификации соотношения международного и конституционного права и судебной практики) и вопросы, связанные с их социологическим переосмыслением (например, с позиций «критической теории» права)⁷.

В отношении возможного потенциального вклада конфликт интерпретаций представлен в соответствии данной теории политическим целям (создание новой глобальной конституционно-правовой системы или совершенствование существующей) и целям глобального управления (от преодоления фрагментации международных правовых режимов до создания единого глобального международного режима); формам реализации (конвергенция правовых систем, конструирование новых правовых форм, норм и институтов, диалог акторов – с фиксированной повесткой или без нее, учет семантических конструкций правового языка)⁸.

Точки взаимодействия всех подходов таковы: признание глобального конституционализма в качестве междисциплинарной области знаний, которая в

⁶ Wiener A., et al. Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law // Global Constitutionalism. – 2012. – No. 1. – P. 1.

⁷ Schwöbel C.E.J. Situating the Debate on Global Constitutionalism // International Journal of Constitutional Law. – 2010. – Vol. 8. – Iss. 3. – P. 611–635.

⁸ Transnational Constitutionalism: International and European Perspectives / ed. N. Tsagourias. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007; Peters A. Are We Moving toward the Constitutionalization of the World Community? // Realizing Utopia: the Future of International Law / ed. A. Cassese. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 118–135; Halmai G. Perspectives on Global Constitutionalism: the Use of Foreign and International Law. – Hague: Eleven International Publishing, 2014.

принципе отражает и актуализирует ряд фундаментальных изменений в мировом правовом регулировании, связанных с процессами глобализации (конституционализация и фрагментация международных отношений); убеждение в том, что формирующаяся правовая реальность глобализирующегося мира уже никогда не станет прежней (в силу утверждения новых транснациональных институтов, акторов и сетевых правовых коммуникаций); общее согласие с тем, что эти изменения не могут быть описаны исключительно в системе понятий традиционного международного или конституционного права (по отдельности), но требуют их реформирования и комбинированного модуса их интерпретации.

В целом, дилемма формулируется следующим образом – означает ли глобализация перевес интеграционных процессов над дезинтеграционными, должна ли она развиваться на основе существующего международного права или включать его преобразования (и насколько значительные); идет ли мировое сообщество к формированию нового типа космополитического права и государства или, напротив, воспроизводит старые расколы в новых формах, следует рассматривать этот процесс как позитивный или негативный для демократии и каковы должны быть оптимальные формы его регулирования? Согласимся с тем, что глобальный конституционализм – скорее вызов, чем решение, сфера конкуренции политических стратегий глобального переустройства и зона эксперимента, где отрабатываются различные модели нового мирового порядка.

Объем понятия: эволюция содержания и динамика изменений в сфере глобального конституционализма

Общую *философскую и теоретическую основу* глобального конституционализма можно усмотреть в идее прогресса, восходящей к идеологии Просвещения и революциям XVIII в. Ее смысл – в замене децентрализованной системы международных отношений всеобщим планом социальной жизни (comprehensive “blueprint for social life”) в рамках порядка, напоминающего конституционный (“proconstitutionalised” order). Как любой проект конструирования, глобальный конституционализм может быть основой позитивных и негативных процессов – организуя реальность, он трансформирует ее⁹. В целом глобальный конституционализм есть вызов Вестфальской системе – определяющему значению принципа суверенитета в международном праве – однако анализ следствий этого далек от единства¹⁰.

В отношении *предмета, содержания и определения границ* глобального конституционализма как эмпирического явления эволюция позиций выражена, на наш взгляд, в смене трех основных этапов – *идеалистического триумфализ-*

⁹ *Sihvo O.* Global Constitutionalism and the Idea of Progress // Helsinki Law Review. – 2018. – Vol. 12. – No. 1. – P. 10–34.

¹⁰ *Global Constitutionalism and Its Challenges to Westphalian Constitutional Law* / ed. M. Belov. – London: Hart, 2018.

ма (период от образования ЕС в 1991 г. до разработки непринятого проекта его конституции в 2005 г.); *оптимистического реализма* (от принятия Лиссабонского договора в 2007 г. до начала 2010-х гг.); и *ограниченного пессимизма* (начиная с миграционного кризиса 2015 г. по настоящее время).

Первый этап доминирующего нарратива выражен в основном философскими дискуссиями о перспективах выдвинутого И. Кантом космополитического международного порядка, возможности его осуществления в рамках Конституции ЕС с перспективой распространения данной модели на другие регионы мира¹¹.

Второй этап связан с обсуждением практических перспектив правовой глобализации. В журнале «Глобальный конституционализм» его «миссия» определена редакционной статьей – «Как велико пространство глобального конституционализма?» (2012 г.). Содержание универсальных и неизменных принципов глобального конституционализма (как всемирного и географически неограниченного явления) выражалось амбициозной метафорой «Троицы» (“A Global Constitutionalist Trinity” – или троичного «символа веры») (“The Trinitarian Mantra of the Constitutionalist Faith” – единства трех основных его принципов: прав человека, демократии и власти закона (“Human Rights, Democracy and the Rule of Law”). По мнению инициаторов концепции, эта «Легитимирующая Троица» (“Legitimatory Trinity”) явилась на свет благодаря Французской и Американской революциями, была внутренне связана с идеями индивидуального и коллективного самоуправления того времени, и, пройдя разные стадии и вызовы, расцвела после Второй мировой войны, чтобы стать с окончанием Холодной войны глобально доминирующим дискурсом как внутри, так и за пределами государства (“a globally hegemonic discourse since the 1990’s, both in and beyond the state”)¹². Сохраняет значение вопрос: что, собственно, должно быть конституционализировано?¹³

Третий этап отражает растущую озабоченность перспективами глобального конституционализма, фиксируя (в редакционной статье 2015 г.) наступление для него «трудных времен» (Hard Times): отказ от рассмотрения глобального конституционализма как непротиворечивого и однолинейного процесса, который развивается исключительно по восходящей линии. Констатировалось, что переломной точкой оказался 2014 г., отмеченный подъемом частоты и интен-

¹¹ *Kumm M.* The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: An Integrated Concept of Public Law // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. – 2013. – Vol. 20. – No. 2. – P. 605–628; *Somek A.* The Cosmopolitan Constitution. – Oxford: Oxford University Press, 2014.

¹² *Kumm M., et al.* How Large is the World of Global Constitutionalism? // *Global Constitutionalism*. – 2014. – No. 3. – P. 1–8.

¹³ *Brown G.W.* The Constitutionalisation of What? // *Global Constitutionalism*. – 2012. – Vol. 1. – No. 2. – P. 201–228.

сивности политически-мотивированного насилия, поставившего под сомнение стабильность и эффективность всего международного правового порядка¹⁴.

Приоритетным направлением исследований глобального конституционализма становятся трудности, противодействия и угрозы ему, а также их политические следствия¹⁵. В теории констатируется разрыв трех подходов: этического (рассмотрение глобального конституционализма как «общественного идеала»), нормативно-правового (усматривающего смысл в оптимальной комбинации норм для гармонизации и продвижения интеграционных процессов) и функционального (видящего смысл в определении статуса и взаимодействий основных акторов процесса). На практике же имеет место переход от оптимистических оценок вклада теории (в виде всеобщего символа веры и руководства к действию) к пессимистическим, подчеркивающим ее утопичность, иллюзорный характер достигнутого единства, подмену правовой интеграции «фальшивой легитимностью», наконец, – к прямому отрицанию данной теории как «бумажного тигра» – сугубо символического феномена, не только не оправдывающего завышенных социальных ожиданий, но и выражающего опасный тренд к консервации несправедливого международного порядка, его унификации и бюрократизации¹⁶.

Главной темой дискуссии стали причины торможения глобального конституционного тренда: коренятся ли они в самой концепции, механизмах и формах ее транслирования, сопротивлении традиции или речь идет о более общем кризисе глобализации – деглобализации, выраженной в регионализации, новом суверенитете и проч., какова в этом роль популизма, интересов национальных элит и интеллектуалов? Констатируется, что по мере усиления процессов глобальной конвергенции усиливается нейтральное отношение или сопротивление ей по всему миру, а основными формами реакции на унификацию и централизацию выступают нео-сецессионизм (стремление к обособлению), нуллификация (стремление к отрицанию правовых обязательств) и безразличие к местной власти¹⁷.

¹⁴ *Dunoff J.L., et al. Hard Times: Progress Narratives, Historical Contingency and the Fate of Global Constitutionalism // Global Constitutionalism. – 2015. – Vol. 4. – No. 1. – P. 1–17.*

¹⁵ *Lachmayer K. Counter-developments to Global Constitutionalism // Global Constitutionalism and its Challenges to Westphalian Constitutional Law / ed. M. Belov. – Oxford: Hart Publishing, 2018. – P. 81–102.*

¹⁶ *Xavier S. False Universalism of Global Governance Theories: Global Constitutionalism, Global Administrative Law, International Criminal Institutions and the Global South: PhD Diss. – Osgoode Hall Law School, 2015. – URL: <http://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/phd/20> (дата обращения – 14.07.2020)*

¹⁷ *Hirschl R. Opting Out of “Global Constitutionalism” // The Law and Ethics of Human Rights / ed. G. Stopler. – 2018. – Vol. 12. – No. 1. – P. 1–36.*

Основными проявлениями кризиса глобального конституционализма признаются консервативный популизм, раскол ЕС (Brexit), движения независимости, отстаивающие правовую идентичность и неосуверенитет¹⁸, трампизм, а также усиление авторитарных тенденций по всему миру¹⁹. В концентрированной форме эти тенденции представлены именно «трампизмом», который расценивается как мощный удар «изнутри» по глобальному конституционализму, решительная угроза демократии, правам человека, верховенству права и индивидуальным свободам как фундаментальной норме глобального конституционализма. С учетом этих геополитических сдвигов, отмечается, что глобальный конституционный порядок оказался «существенно ослаблен», хотя преждевременно делать вывод о его «полной гибели»²⁰. Тенденции к конституционной ретрадиционализации представлены в США и других классических западных демократиях, но особенно выражены в Центральной и Восточной Европе, а также странах постсоветского пространства²¹.

«Конфликт нарративов» в содержательном понимании глобального конституционализма оказался сегодня чрезвычайно велик: его динамика оценивается как «временное отступление», «кризис», выражением которого стали дефицит демократии и эрозия глобального управления. Обсуждается вопрос, может ли ослабление либеральной модели на Западе дать импульс распространению ее ценностей в других регионах мира и, если да, то в каком объеме и при каких обстоятельствах? Критики данной теории отмечают:

Показательно, что многие защитники глобального конституционализма в действительности осознают эти ограничения. Интересно, однако, что это осознание не приводит их к выводам о необходимости отказа от проекта или его переориентирования. Напротив, – ведет к защите тезиса о том, что ограничения показывают необходимость большей конституционализации²².

¹⁸ *Fierke K.M.* Introduction: Independence, Global Entanglement and the Co-Production of Sovereignty // *Global Constitutionalism*. – 2017. – Vol. 6. – No. 2. – P. 167–183; *Benhabib S.* The New Sovereignism and Transnational Law: Legal Utopianism, Democratic Scepticism and Statist Realism // *Global Constitutionalism*. – 2016. – Vol. 5. – No. 1. – P. 109–144.

¹⁹ См.: *Handbook on Global Constitutionalism* / ed. A.F. Lang, P. Wiener.

²⁰ *Havercroft J.*, et al. Editorial. Donald Trump as Global Constitutional Breaching Experiment // *Global Constitutionalism*. – 2018. – Vol. 7. – No. 1. – P. 1–13.

²¹ *Медушевский А.Н.* Веймарская Америка: политическая дискуссия о причинах упадка великой демократии // *Полития*. – 2019. – № 3 (94). – С. 127–160; *Медушевский А.Н.* Конституционная ретрадиционализация в Восточной Европе и России // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2018. – № 1 (122). – С. 13–32; *Медушевский А.Н.* Тенденции постсоветских политических режимов в свете новейшей волны конституционных поправок // *Общественные науки и современность*. – 2018. – № 2. – С. 49–65.

²² *Schwöbel C.E.J.* *Global Constitutionalism in International Legal Perspective*. – Leiden; Boston: Martinus Nijhoff publications, 2011. – P. 132.

Предлагается определить глобальный конституционализм не как ценность, но рабочий инструмент.

Преимущества и недостатки парадигмы глобального конституционализма с прагматических позиций

В интернациональной литературе суммированы прагматические аргументы как в пользу, так и против принятия данной теоретической парадигмы²³.

Для сторонников глобального конституционализма эти преимущества сводятся к теоретическим, юридическим, психологическим и политическим.

1. Как философская теория глобальный конституционализм выступает в качестве альтернативы абстрактным теориям идеального международного порядка, заменяя морализацию конструированием его правовых основ (применение конституционных принципов в международно-правовой сфере);

2. Конституционализация в международном праве способна противостоять его деформациям, фрагментации и, следовательно, сдерживать деструктивные процессы на транснациональном уровне;

3. Новый мировой порядок рассматривается не как готовый результат, но процесс его формирования – постепенное продвижение конституционных характеристик в международном праве (что позволяет выявить пересечение двух видов права, международных режимов и сбоев в национальном конституционализме);

4. Новая концепция правового регулирования наднационального уровня способна стать противовесом нарушениям международной легальности со стороны государств и других акторов международного процесса;

5. Компенсаторная функция глобального конституционализма с учетом процессов деконституционализации на внутреннем уровне, вызванных глобализацией и формированием системы глобального управления;

6. Благодаря установлению стабильных сетей трансправовых коммуникаций в новой иерархии норм правового регулирования в рамках так называемого многоуровневого конституционализма – международного, регионального, национального и локального, открываются перспективы интерактивного взаимодействия между ними (в частности путем диалога судей всех уровней);

7. Легитимация глобального управления, не основанная более на государственном суверенитете, выступает как фактор стабилизации международных отношений;

²³ Peters A. The Constitutionalist Reconstruction of International Law: Pros and Cons // NCCR TRADE Working Paper. – 2006. – No. 1. – P. 1–10; Peters A. The Merits of Global Constitutionalism // Indiana Journal of Global Legal Studies. – 2009. – Vol. 16. – No. 2. – P. 397–411; Handbook on Global Constitutionalism / ed. A.F. Lang, A. Wiener.

8. Инструмент повышения легитимности и ответственности национальных правительств в их действиях на международном уровне;

9. Критический потенциал теории и практики глобального конституционализма, способный компенсировать конституционные дефициты на национальном уровне. Ресурс в качестве академической теории – герменевтика и словарь конституционалистов, стимулирующие поиск преодоления дефицитов легитимности в международном праве;

10. Политическая повестка международных и национальных преобразований в контексте правовой глобализации.

*Критики глобального конституционализма*²⁴ выдвигают следующие контраргументы:

1. Теория глобального конституционализма не едина, но представляет собой конгломерат различных подходов, в лучшем случае ее можно считать междисциплинарной областью знаний;

2. Отсутствует единый эмпирический объект исследования – всемирная конституция (если не считать таковой Хартию ООН);

3. Выдвигаются сомнения в реальности феномена, называемого конституционализацией международного права (поскольку последнее не знает суверенитета как основы конституции);

4. В современных условиях кризиса глобализации дезинтеграционные процессы (фрагментация международных отношений) превалируют над интеграционными (конституционализация);

5. Утверждение о появлении наднациональной (международной) легитимности выдает желаемое за действительное и на деле есть проявление «фальшивого универсализма» и искусственно созданной «фальшивой легитимности» (a false legitimacy). Возможность конструирования социальной легитимности через использование языка создает иллюзию легитимности глобального правления;

6. Многоуровневый конституционализм являет собой скорее дестабилизацию конституционной легитимности, порождая расширение конфликта легитимности традиционных национальных и новых транснациональных институтов, результатом которого становится отстаивание национальной правовой «идентичности», а внешним выражением – «конституционный популизм»;

²⁴ Их аргументы обобщены рядом авторов: *Diggelmann O., Altwicker T.* Is There Something Like a Constitution of International Law? A Critical Analysis of the Debate on World Constitutionalism // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht.* – 2008. – Vol. 68. – S. 623–650; *Kleinlein T.* Between Myths and Norms: Constructivist Constitutionalism and the Potential of Constitutional Principles in International Law // *Nordic Journal of International Law.* – 2012. – Vol. 81. – P. 79–132; *Delpano R.* Fragmentation and Constitutionalization of International Law. A Theoretical Inquiry // *European Journal of Legal Studies.* – 2013. – Vol. 6. – No. 1. – P. 67–89.

7. В плане социальной психологии глобальный конституционализм создает завышенные ожидания, способные вести к неоправданным выводам. Он уверенно отстаивает интеграционную повестку в международных отношениях там, где для нее нет объективных оснований. Международное право – «конституционная пустыня». Оно сохраняет фундаментально несправедливый характер, находится в кризисе, а по мнению некоторых представителей школы политического реализма вообще не является правом (связывающий характер его норм для государств существует лишь постольку, поскольку они согласны признавать эти нормы);

8. Глобальный конституционализм не имеет ничего общего с традиционным пониманием конституционализма (основанным на суверенитете) – это не юридический, но чисто политический подход к данному явлению, который, следовательно, не может стать основой нормативных изменений;

9. В политическом отношении глобальный конституционализм выступает скорее как консервативный, нежели революционный тренд, отстаивая существующую конструкцию международного права, этатистские структуры, легитимируя правовой империализм ведущих держав, европоцентризм и юристократию;

10. Аналитическая ценность глобального конституционализма ставится под вопрос как «академический артефакт». Высказываются опасения, что данный дискурс нормативно опасен, поскольку он анти-плюралистичен – социальная легитимность искусственно конструируется через использование конституционного языка и делает нереалистические обещания в политике.

Таким образом, констатируем очевидный раскол в современном мировом юридическом сообществе, одна часть которого видит в парадигме глобального конституционализма выход из кризиса международного права, другая – усматривает в нем его проявление и иллюзорную попытку преодоления кризиса.

Право и справедливость: в поисках космополитического идеала международного правового порядка

В дебатах о глобальном конституционализме этические аргументы долгое время находились на периферии дискуссии. Однако его критики апеллируют именно к категориям этики: справедливости, равенству, достоинству, ставя под сомнение основы существующего международного порядка и выдвигая иные принципы конструирования глобального правового порядка. Рассмотрим важнейшие из них:

1. Отрицается его глобальный и универсальный характер – ряд государств мира полностью отвергают «Троицу» как систему ценностей и символ веры (например, Китай, выдвинувший альтернативную систему конституционных ценностей, базирующихся на конфуцианстве, а также идеи «исламского», «буддистского», «православного» и прочих видов конституционализма), дают

другое содержательное наполнение ее компонентов (трактовка идентичности и суверенитета всеми государствами, в той или иной мере затронутыми волной популистской ретрадиционализации), либо, признавая их значение, откладывая их реализацию на практике под предлогом отторжения национальной культурой и трудностей продвижения (многие т. н. «развивающиеся» страны). Доминирующий западный (европейский) нарратив, рассматриваемый с этих позиций, оказывается статичным, поскольку игнорирует динамику различий в мире²⁵;

2. «Троица» принципов, предложенная в доминирующем нарративе, определяется ее противниками в качестве региональной, а не глобальной системы правовых ценностей, стоящей на позициях одного региона (ЕС) – европоцентризма («европейский конституционализм») и являющейся поэтому политически ангажированной (либеральной), а ее программа – продвижение этих политических интересов в мире (в крайней форме, как апология неоимперских амбиций Запада). В целом предлагается дискуссия о том, на каких основах должен формироваться глобальный конституционный дизайн разделенных обществ – интеграции или приспособления (*Integration or Accomodation?*)²⁶;

3. Констатируется неоправданность надежды на обретение языком конституционализма универсального характера: даже при использовании сходных понятий они остаются противоречивыми в силу диаметрально противоположной трактовки смысла ключевых терминов²⁷. Для конвенциональных трактовок глобального конституционализма характерен упор на проблематику и язык прав человека (в либеральном понимании), но, по мнению критиков, этот язык камуфлирует различия в понимании прав акторами международных отношений. Характерны вопросы: возможна ли глобальная модель конституционных прав²⁸; действительно ли права человека составляют строительный блок глобального конституционализма, если рассматривать его в контексте теории и практики международного права и глобального управления²⁹; как должны соотноситься в глобальной модели традиционные, либеральные и «постлиберальные» права (например, экологические, био-этические, информационные и т. д.);

²⁵ *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives* / ed. T. Suami, et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

²⁶ *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* / ed. S. Choudhry. – New York: Oxford University Press, 2008.

²⁷ *Carducci M. Cross-constitutionalism and Sustainable comparison // Sociology of Constitutions: A paradoxical perspective* / ed. A. Febrajo, G. Corsi. – London: Routledge, 2016. – P. 137–165.

²⁸ *Moller K. The Global Model of Constitutional Rights*. – Oxford: Oxford University Press, 2012.

²⁹ *Yahyaoui-Krivenko E. Rethinking Human Rights and Global Constitutionalism. From Inclusion to Belonging*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

наконец, каким образом можно интегрировать в одну схему различные теоретические представления о социальных и политических основах конституционализма, определяющие векторы глобального управления, отношения народов и представительств³⁰. Подвергается критике само универсальное значение языка глобального конституционализма, поскольку, по мнению оппонентов (представителей «критической школы международного права»), ведет к унификации сознания, ослаблению «демократического разнообразия» и таит опасность подавления большинством различных дискриминируемых (маргинальных) групп и индивидов, голос которых остается не услышан;

4. Не оправдались ожидания, связанные с поступательным и линейным развитием интеграционных процессов (или конвергенцией), сменившиеся ростом фрагментации международного права и дезинтеграции: ее наиболее впечатляющими примерами выступают Брексит как пример выхода европейской страны из системы европейского транснационального регулирования и программа администрации Трампа по выходу США из принятых международных договоров, не говоря о мировой волне популизма, открыто выступившего с идеей ревизии либеральных конституционных принципов и ценностей;

5. Подвергается растущей критике формальный характер данной концепции, которая сознательно исключает из сферы рассмотрения глобального конституционализма общекультурные факторы (суверенитет, идентичность, национальная воля, этнические или племенные традиции, или сакральные императивы), а также такие политические переменные как идеология, экономика, социальная структура, и, что принципиально, – власть), хотя именно они определяют специфику подходов не западных обществ³¹;

6. Поставлены под вопрос некоторые теории и инструменты правовой интеграции, в частности, сравнительное конституционное право, транснациональное право и «транзитарная юстиция», которая одними рассматривается как способ выхода из конфликтов и катализатор перехода от авторитаризма к демократии³², а другими – как путь к унификации и навязыванию стандартов интерпретации одних стран (и регионов) другими, гипертрофия судебной власти по отношению к другим ветвям власти, заставляющая вспомнить тезис о «правлении судей»³³;

7. Все эти противоречия соединяются в различных видениях перспектив глобального управления (global governance), – соотношения в нем параметров

³⁰ Social and Political Foundations of Constitutionalism / ed. D.J. Galligan, M. Versteeg. – Oxford: Oxford University Press, 2012.

³¹ Xavier S. False Universalism of Global Governance Theories: Global Constitutionalism, Global Administrative Law, International Criminal Institutions and the Global South.

³² Teitel R.G. Transitional Justice. – Oxford: Oxford University Press, 2000.

³³ Hirschl R. Towards Juristocracy: The Origin and Consequences of the New Constitutionalism. – Cambridge: Harvard University Press, 2004.

международного, конституционного и административного регулирования (global administrative law). Предметом острой полемики является соотношение в этом процессе удельного вклада традиционных игроков (государств и признанных международных организаций и объединений – ООН, ВТО, ЕС, ЕАЭС, международных судов и др.) с новыми игроками – прежде всего международными и национальными НПО, транснациональными корпорациями³⁴, объединениями Интернет-сообщества, а также различными группами и индивидами, принципиально стоящими на позициях абсолютного космополитизма и отрицания национальных границ, включая анти-глобалистов, анархистов, либертарианцев, мигрантов и даже представителей сексуальных меньшинств и транснациональных криминальных структур.

В целом, не решен вопрос, должна ли в основе этого проекта лежать классическая западная парадигма конституции (основанная на либеральной концепции прав человека) или в ее основу должен быть положен компромисс различных правовых культур мира, включающий, в том числе, корпус нелиберальных (или т. н. постлиберальных) ценностей и даже право авторитарных режимов? Ценностный раскол в мировом сообществе наиболее четко представлен в глобальном соревновании стратегий построения нового мирового порядка.

Конкурирующие стратегии переустройства мирового правового порядка

Рассмотрение глобального конституционализма как идеологии и совокупности этических ценностей позволяет выявить ряд основных компонентов: философские основания, центры и группы интеллектуалов, вовлеченные в их обсуждение, способы коммуникации с глобальным гражданским обществом и структурами власти. Эти параметры в концентрированной форме представлены в конкурирующих стратегиях и технологиях продвижения идей в обществе, типология которых возможна исходя из принятого ими основного объекта и инструмента реформирования.

Первая группа стратегий продвижения глобального конституционализма отражает традиционную концепцию использования ключевых норм и институтов международного права для его продвижения. Согласно этой позиции глобальная конституция уже существует – это Хартия ООН (которую в момент ее принятия некоторые определяли как «конституцию»), а задача состоит в том, чтобы выстроить на ее основе непротиворечивую концепцию соотношения различных уровней правового регулирования – международного (транснационального), регионального (международные союзы и их институты) и национального (государственного) права, обеспечив снятие противоречий между ними с помощью диалога судов – с последовательным проведением принципов Хартии

³⁴ Bhandari S. Global Constitutionalism and the Path of International Law. – Brill: Nijhoff, 2016.

как конституционных³⁵. Вариантом данной концепции может быть признана идея приоритета интеграционных процессов на среднем уровне – создание под эгидой ООН ряда региональных международно-правовых режимов, объединяющих группы государств (например, по образцу ЕС, который рассматривается как идеал), с последующей их взаимной интеграцией³⁶. Данная концепция, однако, подвергается критике как с теоретической точки зрения (в силу фундаментальных различий международного и конституционного права), так и с политической: проведение этой идеи невозможно без реформирования ООН или, как минимум, преодоления противоречий ведущих государств – членов Совета Безопасности ООН, которое в обозримой перспективе выглядит маловероятным.

Вторая группа стратегий продвижения – через постепенное реформирование международного права. Глобальный конституционализм рассматривается как продукт международного права и связанная с ним юридическая, академическая и политическая повестка. Содержание этой стратегии – идентификация и обоснование применения конституционных принципов в сфере международного права с целью сделать международный порядок более эффективным и справедливым. Критериями продвижения этой программы выступают – конституционализация функции права международной ответственности и создание секторальных конституций в специальных областях международного права. С этих позиций основными параметрами конституционализации международного права должны быть признаны: пересмотр трактовки государственного суверенитета (ей противопоставляется «гуманизированный суверенитет»), принципа государственного согласия (он частично заменяется мажоритарным принятием решений в рамках глобального гражданского общества); обоснование приоритетной защиты ряда базовых ценностей (прав человека, климата, возможно, свободной торговли), которые получают универсальное принятие, отраженное в международных договорах; легализация международных споров (установление международных судов и трибуналов с квази-обязательной юрисдикцией) и расширение роли транснационального правосудия – балансирование (уравновешивание) как конституционная техника. Решение этих задач – только первый шаг в направлении глобального конституционализма³⁷.

Третья группа стратегий исходит из идеи правового дуализма международного и национального конституционного права и их «взаимодополнительности», т. е. выстраивания различных модусов отношений и взаимодействий

³⁵ *Fassbender B.* The United Nations Charter as the Constitution of the International Community. – Leiden: Nijhoff, 2009.

³⁶ *Habermas J.* The Divided West. – Cambridge: Polity Press, 2008. – P. 115–116.

³⁷ *Peters A.* The Merits of Global Constitutionalism. – P. 399.

между ними³⁸. Перспективы соотношения глобального и национального конституционализма включают ряд опций: 1) наполнение некоторых фундаментальных норм международного права конституционным содержанием; 2) взаимное влияние двух видов права, основанное на «дополнительности» (компенсаторный конституционализм); 3) сохранение нейтральности (гибкое разнообразие); 4) постепенное вытеснение национального конституционализма (деконституционализация); 5) конфликт с неясными последствиями; 6) сближение путем толкования (судебный конституционализм); 7) сочетание жесткого и мягкого права³⁹. В целом речь идет о замене или частичной замене национальных норм универсальными с учетом таких параметров глобального порядка как его легитимация, легализация и институционализация. Это определяет различие направлений пересмотра существующего порядка: если концепция конституционного права должна быть пересмотрена, то важно решить, идет ли речь о полном пересмотре (вплоть до отказа от самостоятельного значения национальных суверенных конституций), реализации принципа правового дуализма как «взаимодополнительности» (компенсаторности) двух отраслей права, или особым транснациональным праве (которое не является синонимом ни международного, ни конституционного).

Четвертая группа стратегий основана на спонтанной трансформации (адаптации) права в новых условиях глобального развития путем последовательного принятия новых стандартов и источников права, отказа от ряда прежних фундаментальных основ (прежде всего – принципа государственного суверенитета), либо – модификации их смысла. Спонтанный характер изменений отражен в появлении новых областей регулирования, которые в рамках социальной теории предлагается определить как фрагментарные режимы, генерирующие новые разновидности права⁴⁰. Но данный подход важен и для понимания трансформаций традиционного конституционализма. Гипотеза заключается в том, что в конституционализме существует сетевой эффект – желательности и выгоды принятия одними странами того же типа конституционного режима, который другие уже приняли. Членство в конституционных сетях позволяет обеспечить доступ к резервуару правового капитала – экономическому процветанию и внешней безопасности. В результате, как предполагается, тенденции к конвергенции могут получить перевес над тенденциями к поляризации в рам-

³⁸ *Von Bogdandi A.* Constitutionalism in International Law: Comment on a Proposal from Germany // Harvard International Law Journal. – 2006. – Vol. 47. – No. 1. – P. 223–242.

³⁹ Систематизация этих позиций дана в кн.: *Atilgan A.* Global Constitutionalism. A Socio-Legal Perspective. – P. 203.

⁴⁰ *Teubner G.* Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization. – Oxford: Oxford University Press, 2012.

ках направленного использования этого сетевого эффекта⁴¹. Эта стратегия, созвучная идеям Интернет-конституционализма и электронной демократии⁴², впрочем, целиком основана на предположении о том, что спонтанное действие сетевого эффекта работает в пользу продвижения либеральной демократии и глобального конституционализма, что не очевидно, особенно в связи с попытками государств поставить эти коммуникации под свой контроль.

Пятая группа стратегий делает ставку на политическую интерпретацию глобального права и управления⁴³. Глобализация, если понимать ее как процесс выравнивания условий развития, ведет к изменению международных отношений, повышая роль связывающих обязательств, конституционализма и управления, вообще актуализируя рассмотрение права как «правителя». Международное право, как оно сформировалось исторически, является несправедливым – выражает приоритет ценностей и интересов доминирующих стран и регионов над остальными. Однако право – инструмент и хозяин глобализации: оно создает дизайн всего процесса, определяет природу, формальные этапы и направления глобализации. Вопреки трактовке международного права реалистами (отрицающими его связывающий характер), именно идея связывающих обязательств выражается в концепции глобального конституционализма и управления⁴⁴. Констатируя дефицит демократии на международном уровне, этот подход определяет глобальный конституционализм скорее как политический тренд, главную проблему видит в обеспечении легитимности транснациональных институтов, а инструмент – в принятии государствами новых стандартов глобального управления и дипломатии.

Шестая группа стратегий основана на понимании глобального конституционализма как постоянного диалога между его акторами – своего рода перманентного обсуждения сторонами меняющегося содержания глобального общественного договора (окончательная формула которого в принципе не может быть найдена). Само согласие сторон на поиск рабочего равновесия между интеграционными и дезинтеграционными процессами создает для участников диалога центр идентичности, который противостоит конфронтационным установкам на различия и позволяет двигаться к сближению позиций. Конституционализм – постоянное сопоставление конституирующей и конституционной власти. Создание конституции – бесконечно продолжающийся процесс, сопровождаемый дебатами и спорами (борьбой). В то же время, конституции должны

⁴¹ *Law D.S., Versteeg M.* The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // *California Law Review*. – 2011. – Vol. 99. – No. 5. – P. 1163–1164, 1173.

⁴² *Медушевский А.Н.* Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // *Общественные науки и современность*. – 2019. – № 1. – С. 71–86.

⁴³ *Benvenisti E.* *Law of Global Governance*. – Hague: Hague Academy of International Law, 2014.

⁴⁴ *Bhandari S.* *Global Constitutionalism and the Path of International Law*.

постулироваться в рамках поддержания единства, порядка и взаимодействия, необходимых для мирного продолжения совместного поиска полностью реализованной конституции, которая устанавливает правовой баланс между идентичностью и различиями. Это позволит заполнить лакуны как в транснациональных, так и в национальных конституциях и ликвидировать неопределенность в преодолении ошибок в отраслевом праве вообще⁴⁵.

Седьмая группа стратегий принимает за основу принцип доминирования в процессе глобализации одной модели демократии («западной»), часто связывая ее судьбу с одним государством (США) или группой государств (объединенный «Запад»)⁴⁶. Она исходит из того, что международное право в принципе не может лежать в основе процессов правовой интеграции (или может выполнять лишь вспомогательную роль), поскольку не обладает важнейшим параметром конституционализма (принцип суверенитета). Если нет мирового государства, то невозможна и всемирная конституция. Крайняя позиция, рассматривающая «*Rex Americana*» в качестве основы и прообраза переустройства глобального правового порядка, вызывает растущее неприятие как теоретиков международного права, так и сторонников «многополярного мира» и, в частности, тех его регионов, которые стремятся отстоять не западные модели развития (т. н. «Глобальный Юг» или «Глобальный Восток»)⁴⁷. Данная позиция доминирует в российских трудах, исходящих из того, что «универсальная конституция» «невозможна в принципе»⁴⁸ или представляет собой «симулякр», отражающий идеологию экспансии Запада⁴⁹.

Семь реконструированных стратегий вращаются между двумя крайностями – отрицанием международной конституции и монополярным ее продвижением. Они различаются содержательным пониманием интеграционных процессов, охватывая идеологические, правовые, институциональные параметры его достижения, но едины в одном – стремлении достичь формализованного согласия акторов глобального правового регулирования по линии общего принятия процедур его создания.

⁴⁵ *Rosenfeld M.* Global Constitutionalism. Meaningful or Desirable? // *European Journal of International Law*. – 2014. – Vol. 25. – No.1. – P. 177–199.

⁴⁶ *United States Hegemony and the Foundations of International Law* / ed. M. Byers, G. Nolte. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

⁴⁷ *Constitutionalism of the Global South* / ed. D.B. Maldonado. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

⁴⁸ *Международное и конституционное право: проблемы взаимодействия* / под редакцией А.А. Дорской, С.В. Бочкарева. – Санкт-Петербург: АЛЕФ-Пресс, 2016. – С. 11.

⁴⁹ См., напр.: *Гончаров В.В.* Глобальный конституционализм: социально-философский анализ. – Москва: Спутник, 2016.

Выводы: Перспективы глобального конституционализма как научной теории и политической идеологии

Можно констатировать, что проблемы глобального конституционализма не решаются исключительно как проблемы юридические. Теория глобального конституционализма сформулировала ряд возможных подходов с позиций международного права, его конвергенции с конституционным правом или преобразования последнего, обратив внимание на формирование новой иерархии норм транснационального права (многоуровневый конституционализм), появление новых акторов (негосударственных институтов законотворчества) и области регулятивных отношений – глобального административного права и управления.

Однако реализация теории на практике выявила существенные противоречия, связанные с трудностями конституционализации международных отношений: несоответствие подходов международного и конституционного права (в силу различия их природы); неприменимость классической теории демократии на глобальном уровне (в силу нереализуемости электоральной подотчетности международных институтов); отсутствие субъекта этой ответственности (в виде международного эквивалента суверена национальной конституции); невозможность реализовать на транснациональном уровне принципы транспарентности и разделения властей, а главное – преодолеть растущую эрозию легитимности ключевых международных институтов. Единственными достижениями на пути глобального конституционализма стали сама постановка проблемы конвергенции международного и конституционного права, ограниченная конституционализация ряда фундаментальных норм о правах человека (с включением их в международные договоры) и выработка стандартов транснациональной судебной практики по знаковым делам. Это значит, что достижению консенсуса мешают не столько юридические, сколько политические разногласия.

Правомерна, поэтому, постановка вопроса о глобальном конституционализме как новой политической идеологии, противостоящей ее противоположности – идеологии глобального анти-конституционализма. В условиях кризиса глобализации (сменившейся процессами деглобализации), констатируется последовательная деградация международного права и расширение противоречий по линии многоуровневого конституционализма. Этот процесс имеет логическое объяснение – вакуум легитимности транснациональных институтов компенсируется легитимацией популистских конституционных инициатив на национальном уровне, что ведет к деструкции конституционных принципов как таковых. Результатом становится дестабилизация всей глобальной системы регулирования: с одной стороны, наличие «вакуума конституционализма» и демократии на международном уровне, с другой – ослабление традиционных национальных конституций, столкнувшихся с процессами ретрадиционализации,

размывания языка конституционализма (семантической подмены понятий), появления имитационных форм и мнимого конституционализма, вообще с популистской ревизией ключевых принципов правового государства и ростом авторитарных тенденций по всему миру. Содержанием идеологии глобального конституционализма, исходя из этого, должно стать преодоление вакуума правового регулирования на глобальном уровне, предметом – обеспечение политического консенсуса акторов международного сообщества по вопросам содержания, форм и методов осуществления интеграционных процессов, а целью – создание справедливого, предсказуемого и эффективного правового порядка.

Основой консенсуса, с нашей точки зрения, может стать новая формула глобального конституционализма – мы предлагаем определить его с позиций когнитивно-информационной теории⁵⁰ как целенаправленную деятельность по конструированию глобального правового порядка, этапы которой фиксируются в проектах, нормах и практиках, отражающих продвижение общества к этой цели. Теория глобального конституционализма в этом понимании – когнитивная рамка ценностно-нейтрального изучения глобальных процессов правового развития, выходящих за пределы их нормативистского понимания и включающих логику формирования правосознания – совокупности психологических, институциональных и поведенческих установок индивидов, осознающих свою принадлежность к глобальному сообществу. Преодоление конфликта философских, нормативистских и функциональных концепций достигается их интерпретацией как различных (но взаимодополняющих) логических (лингвистических) выражений ценностей, норм и установок различного уровня, обеспечивающих единство системы глобального правового регулирования.

В идеологическом измерении ключевое значение приобретает селекция и критическая оценка потенциала конкурирующих стратегий построения нового правового порядка с позиций этического идеала космополитического мирового устройства. Эта оценка включает всю совокупность факторов информационного обмена (как непосредственного, так и опосредованного), определяющих мотивы и установки разработчиков, конструирование принципов, их юридическую фиксацию (в виде норм), интерпретацию и применение на практике. В центре внимания оказывается сам процесс конструирования новых правовых отношений по линии когнитивных установок, мотивации, стереотипов жесткого и мягкого права, его основных видов: международного, конституционного и административного, – с упором на вопросы формирования нового обычного права, конвенциональных норм, логики судебной и политической интерпретации, в совокупности создающих новую политику права в глобальной сфере.

⁵⁰ Медушевский А.Н. Политические сочинения: право и власть в условиях социальных трансформаций. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

С этих позиций основная проблема глобального конституционализма должна быть пересмотрена: вместо того, чтобы спрашивать, где пролегают пределы и границы его осуществления, целесообразно выяснить, каковы пределы правовой фрагментации и каким образом ее последовательные сторонники рассчитывают выжить в условиях быстрой и непредсказуемой смены «правил игры» формирующегося «многополярного мира». Иными словами, означает ли отказ от глобального конституционализма наступление эры «игры без правил» – глобального правового нигилизма? Каким образом и кем, в случае перевеса этого тренда (ослабления международно-правовых институтов с наступлением «мировой Смуты»), будет осуществляться медиация интернациональных конфликтов в области прав человека и конституционных гарантий: новыми транснациональными структурами, наиболее могущественными государствами или неустойчивыми союзами локальных партнеров, объединяемых конъюнктурными политическими интересами?

Сама постановка этих вопросов ведет к четкому разделению текущих и долгосрочных интересов участников международного процесса, подчеркивая их ответственность за выбор адекватной картины будущего. В этой перспективе глобальный конституционализм – не форма описания существующего правового порядка или текущего баланса сил и интересов, но гарантия минимально необходимого уровня стабильности ядра правовых отношений меняющегося социума – новая публично-правовая этика, идеология и глобальная политика права транснационального общественного движения, нацеленная на его сохранение в будущем.

Introduction

The theory of global constitutionalism is a significant area of legal and socio-political discussions going on in the world since the beginning of the 21st century. It is intended to identify and explain the main trends in the change of legal relations in the world associated with the processes of globalization, such as strengthening of supranational and non-national institutions and instruments of regulation and management, “network-like” communication between them in relation to the traditional ones, which reflect the situation of the Westphalian system where sovereign states dominate as the only actors in the international legal process. The theory of global constitutionalism assumes that in the context of globalization, convergence of two direc-

tions of legal regulation represented by international and constitutional law is possible in the form of their synthesis or a new type of law, defined as “global,” “supranational,” “transnational,” or “international constitutional law.”

According to the supporters of global constitutionalism, this process of convergence, defined by the principle of “constitutionalization of international law,” opposes destructive processes of fragmentation, leads to the harmonization of international relations and prevention of conflicts, consolidation of the principles of constitutional state on a global scale, and in the future it will even be able to design qualitatively new forms of cosmopolitan law, right up to the fulfillment of Kant’s ideal of a world state. This thesis, however, is categorically unacceptable for their opponents, who point to pure idealism of this theoretical structure, the absence in it of a full-fledged definition of the subject of legal regulation, the contradiction of expectations with the real state of affairs, which demonstrates the crisis of globalization: the growth of disintegration processes with the transition from a unipolar to a multipolar world and the danger of political development of the theory of global constitutionalism carrying a direct threat to the fate of democracy, equality and the rule of law.

This article sets a number of mutually related tasks: first, to present the main points of theoretical disagreements in supporting the theory of global constitutionalism; secondly, to identify the existing arguments for and against its implementation; third, to show the role of competing strategies of the new world order. All this allows us to formulate a position in the discussion, to correlate legal, ethical and political arguments, and to substantiate a new version of the processes of legal globalization.

Global constitutionalism: conflict of definitions, interpretations and the area of experiment

In its broadest sense, the concept of *global constitutionalism* is typically interpreted as a theory, discourse and political agenda advocating the application of fundamental constitutional principles (rule of law, protection of human rights, separation of powers) in the international legal sphere in order to ensure normative unity, efficiency and justice of the emerging global international legal order, thus including legal, functional and ethical components.¹

The most accurate equivalent of global constitutionalism is the thesis about the formation of a special “international constitutional law” which appears as a result of the consistent “blurring” of the previously steady principle of state sovereignty through constitutionalization, that is, the transfer of the fundamental norms historically developed in classical constitutions to the international level (primarily by the inclusion of fundamental constitutional rights into international treaties and conven-

¹ A.F. Lang and A. Wiener, eds., *Handbook on Global Constitutionalism* (Cheltenham, UK; Northampton, Mass.: Edward Elgar Publishing, 2017); A. Atilgan, *Global Constitutionalism. A Socio-Legal Perspective* (Heidelberg: Springer, 2018).

tions on human rights, or into the practice of international courts).² This process of convergence of international and national constitutional law has three main parameters: first, the growing influence of international norms on the constitutions of states (with the degree of their autonomy constantly decreasing); second, integration of constitutional norms into international law (constitutionalization of law);³ and third, the emergence of new areas of legal regulation, i.e. the formation of a system of global governance, including the creation of a special system of transnational legal norms and the emergence of a fundamentally new, non-state, type of actors in the global process of legal development. Such actors are international organizations and legal regimes, transnational corporations, NGOs, structures of global civil society and international courts operating outside the traditional borders of states with the possibility of ousting them from the sphere of international relations.⁴

At the same time, global constitutionalism as the dominant narrative in describing the present-day changes in international law and the place of the processes of constitutionalization of international law remain an area of conflicting interpretations in terms of such parameters as its theory and subject, empirical content, ideological significance and political practice.⁵ A generalization of conflicting positions (and alternative narratives) allows us to identify the main points of disagreement and points of interaction in the ongoing discussion about the process of constructing a global constitutional order.

In relation to the theory of global constitutionalism, the conflict of interpretations is expressed in a number of typologies of its concepts based on different criteria. Such criteria include belonging to different philosophical traditions (phenomenological interpretations of hard and moderate cosmopolitanism); the degree of content (ontological and deontological constructions); the attitude towards this content (reliance on traditional approaches of international, constitutional and comparative jurisprudence or adoption of new approaches such as meta-constitutionalism, transnational constitutionalism or constructivism); reliance on the old, more neutral (formal legal) foundations of the theory, or on new scientific schools (normative, functional and pluralistic schools).⁶

² Th. Kleinlein and A. Peters, *International Constitutional Law* (Oxford: Oxford University Press, 2018).

³ J. Klabbers, A. Peters, and G. Ulfstein, eds., *The Constitutionalization of International Law* (Oxford: Oxford University Press, 2011).

⁴ J. Dunoff and J.P. Trachtman, eds., *Ruling the World? Constitutionalism, International Law and Global Governance* (Cambridge: Cambridge University Press, 2009).

⁵ A. Peters, "Global Constitutionalism," in *Encyclopedia of Political Thought*, ed. M. Gibbons (London: Wiley-Blackwell, 2015), 1484–87.

⁶ A. Wiener et al., "Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law," *Global Constitutionalism*, no. 1 (2012): 1.

With regard to functional realizability, the conflict of interpretations involves the following: structures of interaction of system elements (monistic and pluralistic theories); directions of regulation (their division into social, institutional and normative ones and constitutionalism “by analogy”); the corpus of the sources of law involved in the discussion, among other things, based on the specifics of historically formed legal families (various modifications of the relationship between international and constitutional law and judicial practice) and issues related to their sociological rethinking (for example, from the standpoint of “critical theory” of law).⁷

With regard to the possible potential contribution, the conflict of interpretations is presented in accordance of this theory with political objectives (creation of a new global constitutional legal system or improvement of the existing one) and the objectives of global governance (from overcoming the fragmentation of international legal regimes to creating a unified global international regime); forms of implementation (convergence of legal systems, construction of new legal forms, norms and institutions; dialogue of actors, with or without a fixed agenda; taking into account the semantic structures of the legal language).⁸

The points of interaction of all approaches are as follows: the recognition of global constitutionalism as an interdisciplinary field of knowledge, which, in principle, reflects and actualizes a number of fundamental changes in global legal regulations associated with the processes of globalization (constitutionalization and fragmentation of international relations); the conviction that the emerging legal reality of the world under globalization will never be the same again (due to the establishment of new transnational institutions, actors and legal network communications); general agreement that these changes cannot be described exclusively in the system of concepts of traditional international or constitutional law (separately), but require reforming and a combined modus of their interpretation.

In general, the dilemma is formulated as follows: Does globalization mean the dominance of integration processes over disintegration processes? Should it develop itself on the basis of the existing international law or include its transformations (and how significant should these transformations be)? Is the world community moving towards the formation of a new type of cosmopolitan law and state, or, on the contrary, is it just reproducing old schisms in new forms? Should this process be considered as positive or negative for democracy and what should the optimal form of its regula-

⁷ C.E.J. Schwöbel, “Situating the Debate on Global Constitutionalism,” *International Journal of Constitutional Law*, vol. 8, no. 3 (2010): 611–35.

⁸ N. Tsagourias, ed., *Transnational Constitutionalism: International and European Perspectives* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007); A. Peters, “Are We Moving toward the Constitutionalization of the World Community?” in *Realizing Utopia: the Future of International Law*, ed. A. Cassese (Oxford: Oxford University Press, 2012), 118–35; G. Halmai, *Perspectives on Global Constitutionalism: the Use of Foreign and International Law* (Hague: Eleven International Publishing, 2014).

tion be? Let us agree that global constitutionalism is more of a challenge than a solution, a sphere of competition for political strategies of global restructuring and an experimental zone where various models of a new world order are being tried out.

Scope of the concept: evolution of content and dynamics of changes in the field of global constitutionalism

The general *philosophical and theoretical basis* of global constitutionalism can be seen in the idea of progress, which goes back to the ideology of the Enlightenment and the revolutions of the 18th century. Its meaning is that the decentralized system of international relations is to be replaced with a comprehensive “blueprint for social life” within the framework of an order similar to constitutional order (“proconstitutionalized” order). Like any construction project, global constitutionalism can act as a basis of both positive and negative processes: by organizing reality, it also transforms it.⁹ In general, global constitutionalism is a challenge to the Westphalian system – to the defining meaning of the principle of sovereignty in international law – but the analysis of the consequences of this phenomenon is still far from being unified.¹⁰

With regard to the *subject matter, content and definition of the boundaries* of global constitutionalism as an empirical phenomenon, the evolution of positions is expressed, in our opinion, in the change of three main phases, namely, *idealistic triumphalism* (the period from the formation of the European Union back in 1991 to the development of an unapproved draft of its Constitution in 2005); *optimistic realism* (from the adoption of the Lisbon Treaty in 2007 to the 2010s); *limited pessimism* (from the migration crisis of 2015 to the present days).

The first phase of the dominant narrative is expressed mainly by philosophical discussions about the prospects of the cosmopolitan international order put forward by Immanuel Kant and the possibility of its implementation within the framework of the EU Constitution with the prospect of extending this model to other regions of the world.¹¹

The second phase is associated with a discussion of the practical prospects for legal globalization. Thus, the journal *Global Constitutionalism* defined its mission in the editorial under the title “How Large is the World of Global Constitutionalism?” (2012). The content of the universal and unchanging principles of global constitutionalism (as a universal and geographically unrestricted phenomenon) was expressed

⁹ O. Sihvo, “Global Constitutionalism and the Idea of Progress,” *Helsinki Law Review*, no. 1, vol. 12 (2018): 10–34.

¹⁰ M. Belov, ed., *Global Constitutionalism and Its Challenges to Westphalian Constitutional Law* (London: Hart, 2018).

¹¹ M. Kumm, “The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: An Integrated Concept of Public Law,” *Indiana Journal of Global Legal Studies*, vol. 20, no. 2 (2013): 605–28; A. Somek, *The Cosmopolitan Constitution* (Oxford, Oxford University Press, 2014).

by the ambitious metaphor of the Trinity (“A Global Constitutionalist Trinity” or “Trinitarian Mantra of the Constitutionalist Faith”) with the unity of its three fundamental principles (“Human Rights, Democracy and the Rule of Law”). According to the initiators of this concept, this legitimating concept (“Legitimatory Trinity”) was born as the result of the French and American revolutions, was internally linked to the ideas of individual and collective self-government of the time, and having gone through various phases and challenges, blossomed after the Second World War in order to become a globally dominant discourse at the end of the Cold War, “a globally hegemonic discourse since the 1990’s, both in and beyond the state.”¹² The question remains significant: what exactly should be constitutionalized?¹³

The third phase reflects the growing concern about the prospects of global constitutionalism, recording (in an editorial of 2015) the beginning of “Hard Times”: the refusal to view global constitutionalism as a consistent and one-line process that only goes upwards. It was stated that the turning point was 2014, marked by an increase in the frequency and intensity of politically motivated violence, which cast doubt on the stability and effectiveness of the entire international legal order.¹⁴

Talking about global constitutionalism, the priority area of research is difficulties, resistance and threats to it as well as their political consequences.¹⁵ In theory, a certain contradiction is ascertained in three approaches: ethical (considering global constitutionalism as a “social ideal”), normative and legal (considering the idea of the optimal combination of norms for the harmonization and promotion of integration processes), and functional (seeing sense in determining the status and interactions of the main actors in the process). In practice, there is a transition from optimistic assessments of the contribution of the theory (in the form of a universal creed and guidance to action) to pessimistic, emphasizing its utopianism, the illusory nature of the achieved unity, the substitution of “false legitimacy” for legal integration, and finally, to a direct denial of this theory as a “paper tiger”, a purely symbolic phenomenon which does not justify the overestimated social expectations but expresses a dangerous trend towards the conservation of an unfair international order, its unification and bureaucratization.¹⁶

¹² M. Kumm et al., “How Large is the World of Global Constitutionalism?” *Global Constitutionalism*, no. 3 (2014): 1–8.

¹³ G.W. Brown, “The Constitutionalisation of What?” *Global Constitutionalism*, vol. 1, no. 2 (2012): 201–28.

¹⁴ J.L. Dunoff et al., “Hard Times: Progress Narratives, Historical Contingency and the Fate of Global Constitutionalism,” *Global Constitutionalism*, vol. 4, no. 1 (2015): 1–17.

¹⁵ K. Lachmayer, “Counter-developments to Global Constitutionalism,” in *Global Constitutionalism and Its Challenges to Westphalian Constitutional Law*, ed. M. Belov (Oxford: Hart Publishing, 2018), 81–102.

¹⁶ S. Xavier, *False Universalism of Global Governance Theories: Global Constitutionalism, Global Administrative Law, International Criminal Institutions and the Global South* (PhD diss.,

The main topic of discussion are the reasons for the slowdown of the global constitutional trend: Are these reasons connected to the concept itself, the mechanisms and forms of its transmission, resistance to tradition or is it a more general crisis of globalization, the so-called de-globalization expressed in regionalization, new sovereignty, etc.? What is the role of populism and what are the interests of national elites and intellectuals in these processes? It can be already ascertained that as the processes of global convergence intensify, neutrality or resistance to it increases all over the world, and the main forms of reaction to unification and centralization are neo-secessionism (the desire for isolation), nullification (the desire to deny legal obligations), and indifference to local authorities.¹⁷

Among the main manifestations of the crisis of global constitutionalism one may name conservative populism, the split of the European Union (Brexit), independence movements defending legal identity and neo-sovereignty,¹⁸ Trumpism, and also the strengthening of authoritarian tendencies around the world.¹⁹ In a concentrated form, these tendencies are represented by Trumpism, which is regarded as an assault against global constitutionalism “from within,” a significant threat to democracy, human rights, the rule of law and individual freedoms as a fundamental norm of global constitutionalism. Taking all these geopolitical shifts into account, it is noted that the global constitutional order has been “significantly weakened,” although it is still early to conclude that it is completely destroyed.²⁰ The tendencies towards constitutional re-traditionalization are present in the USA and other classical Western democracies, but are especially pronounced in Central and Eastern Europe as well as in the countries of the post-Soviet space.²¹

In the existing understanding of global constitutionalism, the “conflict of narratives” has turned out to be significant today: its dynamics is assessed as a “temporary

Osgoode Hall Law School, 2015), PhD Dissertations. Accessed July 14, 2020. <http://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/phd/20>.

¹⁷ R. Hirschl, “Opting Out of ‘Global Constitutionalism,’” *The Law and Ethics of Human Rights*, vol. 12, no. 1 (2018): 1–36.

¹⁸ K.M. Fierke, “Introduction: Independence, Global Entanglement and the Co-Production of Sovereignty,” *Global Constitutionalism*, vol. 6, no. 2 (2017): 167–83; S. Benhabib, “The New Sovereignism and Transnational Law: Legal Utopianism, Democratic Scepticism and Statist Realism,” *Global Constitutionalism*, vol. 5, no. 1 (2016): 109–44.

¹⁹ See Lang and Wiener, *Handbook on Global Constitutionalism*.

²⁰ J. Havercroft et al., “Editorial. Donald Trump as Global Constitutional Breaching Experiment,” *Global Constitutionalism*, vol. 7, no. 1 (2018): 1–13.

²¹ A.N. Medushevskii, “Weimar America: a Political Discussion on the Causes of the Decline of One Great Democracy” [in Russian], *Politiya*, no. 3 (94) (2019): 127–60; A.N. Medushevskii, “Constitutional Re-traditionalization in Eastern Europe and Russia” [in Russian], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 1 (122) (2018): 13–32; A.N. Medushevskii, “Post-Soviet Political Regimes: Developing Trends in the Light of Current Amendments Wave” [in Russian], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2 (2018): 49–65.

retreat,” a “crisis,” which is expressed in the lack of democracy and erosion of global governance. The question is being discussed whether the weakening of the liberal model in the West can give an impetus to the spread of its values in other regions of the world and, if so, to what extent and under what circumstances it is possible. Critics of this theory note that

It is notable that many advocates of global constitutionalism are indeed aware of these limitations. Interestingly, this awareness does not provoke conclusions of abandonment or a reorientation of the project. On the contrary, it is in fact advocated that the limitations show the need for more constitutionalisation.²²

It is therefore suggested that global constitutionalism should be defined not as a value but as a working tool.

Advantages and disadvantages of the paradigm of global constitutionalism from a pragmatic point of view

International literature summarizes pragmatic arguments both in favor and against the adoption of this theoretical paradigm.²³

For the *proponents of global constitutionalism*, these *advantages* are theoretical, legal, psychological and political ones.

1 As a philosophical theory, global constitutionalism acts as an alternative to abstract theories of an ideal international order and replaces moralization with the construction of its legal foundations (application of constitutional principles in the international legal sphere).

2 Constitutionalization in international law is able to resist its deformation, fragmentation and consequently may restrain destructive processes at the transnational level.

3 The new world order is viewed not as a ready-made result but as the process of its formation, the gradual advancement of constitutional characteristics in international law (which makes it possible to identify the intersection of two types of law, international regimes and failures in national constitutionalism).

4 The new concept of legal regulation at the supranational level can act as a counterbalance to violations of international legality by states and other actors in the international processes.

²² C.E.J. Schwöbel, *Global Constitutionalism in International Legal Perspective* (Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publications, 2011), 132

²³ A. Peters, “The Constitutionalist Reconstruction of International Law: Pros and Cons,” NCCR TRADE working paper 1, Swiss National Centre of Competence in Research, 2006, Accessed July 14, 2020. <http://edoc.unibas.ch/42733/>; A. Peters, “The Merits of Global Constitutionalism,” *Indiana Journal of Global Legal Studies*, vol. 16, no. 2 (2009): 397–411; Lang and Wiener, *Handbook on Global Constitutionalism*.

5 The compensatory function of global constitutionalism takes into account the processes of de-constitutionalization at the internal level, caused by globalization and the formation of a system of global governance.

6 Due to the establishment of stable networks of trans-legal communications in the new hierarchy of legal regulations within the framework of the so-called multi-level (international, regional, national and local) constitutionalism, certain prospects for interaction between them are opening (in particular, through a dialogue between judges of all levels).

7 Legitimation of global governance, no longer based on state sovereignty, acts as a factor in the stabilization of international relations.

8 A tool for increasing the legitimacy and accountability of national governments in their actions at the international level.

9 The critical potential of the theory and practice of global constitutionalism is capable of compensating for constitutional deficiencies at the national level. The resource of it as an academic theory is hermeneutics and vocabulary of constitutionalists, stimulating the search for possibilities of overcoming the lack of legitimacy in international law.

10 Political agenda of international and national transformations in the context of legal globalization.

As an answer, *critics of global constitutionalism* put forward the following counterarguments:²⁴

1 The theory of global constitutionalism is not unified but represents a conglomerate of different approaches, so it can only be considered an interdisciplinary field of knowledge at best.

2 There is no single empirical object of research, no world constitution (except for the Charter of the United Nations).

3 Certain doubts are being expressed about the reality of the phenomenon referred to as constitutionalization of international law (since the latter does not recognize sovereignty as the basis of the constitution).

4 In the current conditions of the globalization crisis, disintegration processes (fragmentation of international relations) clearly prevail over integration processes (constitutionalization).

5 The statement about the emergence of supranational (international) legitimacy is just wishful thinking and in fact is only a manifestation of “false universalism” and

²⁴ Their arguments are summarized by a number of authors: O. Diggelmann and T. Altwicker, “Is There Something like a Constitution of International Law? A Critical Analysis of the Debate on World Constitutionalism,” *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, vol. 68 (2008): 623–50; T. Kleinlein, “Between Myths and Norms: Constructivist Constitutionalism and the Potential of Constitutional Principles in International Law,” *Nordic Journal of International Law*, vol. 81 (2012): 79–132; R. Delpano, “Fragmentation and Constitutionalization of International Law. A Theoretical Inquiry,” *European Journal of Legal Studies*, vol. 6, no. 1 (2013): 67–89.

artificially created “false legitimacy.” The possibility of constructing social legitimacy through the use of language only creates the illusion of the legitimacy of global governance.

6 Multilevel constitutionalism is rather a destabilization of constitutional legitimacy, giving rise to an expansion of the conflict of legitimacy of traditional national and new transnational institutions, the result of which is the upholding of national legal “identity” and the external expression of which is “constitutional populism.”

7 In terms of social psychology, global constitutionalism creates high expectations which can lead to unjustified conclusions. It confidently defends the integration agenda in international relations where there are no objective grounds for it. International law is a “constitutional desert.” It preserves a fundamentally unjust character, is in crisis, and according to some representatives of the school of political realism, is not law at all (the binding nature of its norms for states exists only insofar as they agree to recognize these norms).

8 Global constitutionalism has nothing to do with the traditional understanding of constitutionalism (which is based on sovereignty). It is not a legal but a purely political approach to this phenomenon, which therefore cannot become the basis for normative changes.

9 In political terms, global constitutionalism acts more as a conservative trend than as a revolutionary one, defending the existing structure of international law and étatist structures, and legitimizing the legal imperialism of the leading powers, Eurocentrism, and juristocracy.

10 The analytical value of global constitutionalism as an “academic artifact” is questioned. Fears are expressed that this discourse is normatively dangerous because it is anti-pluralistic. Social legitimacy is artificially constructed through the use of constitutional language and makes unrealistic promises in politics.

Consequently, we can declare an obvious split in the modern world legal community, one part of which sees the paradigm of global constitutionalism as a way out of the crisis of international law while the other sees it as its manifestation and an illusory attempt to overcome the existing crisis.

Law and justice: in search of the cosmopolitan ideal of the international legal order

In the debates on global constitutionalism, ethical arguments have long been a mere side-show of the discussion. However, its critics appeal precisely to the categories of ethics, such as justice, equality, dignity, questioning the foundations of the existing international order and putting forward other principles for constructing a global legal order. Let us consider the most significant of them.

1. Its global and universal character is denied. A number of states completely reject the “Trinity” as a system of values and a creed (for example, China which put

forward an alternative system of constitutional values based on Confucianism or other states which put forward the ideas of Islamic, Buddhist, Orthodox and other types of constitutionalism), provide a different content of its components (interpretation of identity and sovereignty by all states is affected by the wave of populist re-traditionalization in one way or another), or recognizing their significance, they postpone their implementation under the pretext of their rejection by national culture and difficulties of promotion (many so-called developing countries). The dominant Western (European) narrative viewed from these positions turns out to be static since it ignores the dynamics of differences in the world.²⁵

2. The “Trinity” of principles proposed in the dominant narrative is defined by its opponents as a regional rather than global system of legal values which is based on the positions of only one region (the European Union), on Eurocentrism (“European constitutionalism”). This system is therefore politically engaged (liberal) and its program is to promote its political interests in the world (in an extreme form, as an apology for the neo-imperial ambitions of the West). In general, a discussion is proposed in order to debate on what basis a global constitutional design of divided societies should be formed, on Integration or on Accommodation.²⁶

3. It is stated that the hope that the language of constitutionalism will acquire a universal character is unjustified: even when similar concepts are used, these concepts remain contradictory due to the diametrically opposite interpretation of the meaning of key terms.²⁷ Conventional interpretations of global constitutionalism are characterized by an emphasis on the problems and language of human rights (in their liberal sense), but according to critics, this language camouflages the differences in the understanding of rights by various actors of international relations. Typical questions are: Is a global model of constitutional rights possible?²⁸ Do human rights really act as a building block of global constitutionalism, if viewed in the context of the theory and practice of international law and global governance?²⁹ How should traditional, liberal and “post-liberal” rights (for example, environmental, bio-ethical, informational, etc.) be interrelated in the global model? How can one scheme integrate different theoretical ideas about the social and political foundations of constitutiona-

²⁵ T. Suami et al., eds., *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives* (Cambridge: Cambridge University Press, 2018).

²⁶ S. Choudhry, ed., *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation* (New York: Oxford University Press, 2008).

²⁷ M. Carducci, “Cross-constitutionalism and Sustainable Comparison,” in *Sociology of Constitutions: A Paradoxical Perspective*, ed. A. Febrajo and G. Corsi (London: Routledge, 2016), 137–65.

²⁸ K. Moller, *The Global Model of Constitutional Rights* (Oxford: Oxford University Press, 2012).

²⁹ E. Yahyaoui-Krivenko, *Rethinking Human Rights and Global Constitutionalism. From Inclusion to Belonging* (Cambridge: Cambridge University Press, 2017).

lism, which determine the vectors of global governance, relations between peoples and representations?³⁰ The universal meaning of the language of global constitutionalism itself is criticized, since, according to opponents (representatives of the “critical school of international law”), it leads to a unification of consciousness, a weakening of “democratic diversity” and is under the danger of being suppressed by the majority of various discriminated (marginal) groups and individuals, whose voice remains unheard.

4. The expectations associated with the progressive and linear development of integration processes (or convergence), which were replaced by the growing fragmentation of international law and disintegration, did not come true. There, the most impressive examples are Brexit, which can be seen as an example of a European country leaving the system of European transnational regulation, and the Trump administration’s program on the US withdrawal from the established international treaties, not to mention the world tendency for populism, which is openly voicing out the idea of revising liberal constitutional principles and values.

5. There is ever growing criticism of the formal nature of this concept, which deliberately excludes general cultural factors (i.e. sovereignty, identity, national will, ethnic or tribal traditions, or sacred imperatives) from the scope of global constitutionalism, as well as such political variables as ideology, economics, social structure, and, which is vital, power itself), although it is these factors that determine the specifics of the approaches of non-Western societies.³¹

6. Some theories and instruments of legal integration are questioned, in particular, comparative constitutional law, transnational law and “transit justice,” which is considered by some as a way out of conflicts and a catalyst for the transition from authoritarianism to democracy,³² and by others, as a way to unification and imposition of the standards of interpretation of some countries (and regions) by others, the hypertrophy of the judiciary in relation to other branches of government, which makes one remember the thesis of “the rule of judges.”³³

7. All these contradictions are combined in different visions of the prospects of global governance and its ratio of the parameters of international, constitutional and administrative regulation (global administrative law). The subject of serious debate is the ratio of specific contribution in this process of traditional players (states and recognized international organizations and associations: the United Nations (UN), the World Trade Organization (WTO), the European Union (EU), the Eurasian Economic

³⁰ D.J. Galligan and M. Versteeg, eds., *Social and Political Foundations of Constitutionalism* (Oxford: Oxford University Press, 2012).

³¹ Xavier, *False Universalism of Global Governance Theories*.

³² R.G. Teitel, *Transitional Justice* (Oxford: Oxford University Press, 2000).

³³ R. Hirschl, *Towards Juristocracy: The Origin and Consequences of the New Constitutionalism* (Cambridge: Harvard University Press, 2004).

Union (EAEU), international courts, etc.) and new players, primarily international and national NGOs, transnational corporations,³⁴ associations of the Internet community, as well as various groups and individuals who are committed to absolute cosmopolitanism and denial of national borders, including anti-globalists, anarchists, libertarians, migrants and even representatives of sexual minorities and transnational criminal structures.

In general, the question has not been resolved whether this project should be based on the classical Western paradigm of the constitution (based on the liberal concept of human rights) or whether it should be based on a certain compromise of various legal cultures of the world, including, among other things, the structure of illiberal (or so-called post-liberal) values and even the law of authoritarian regimes. The difference in values in the world community is most clearly represented in the global competition of strategies for building a new world order.

Competing strategies for restructuring the global legal order

Consideration of global constitutionalism as an ideology and a set of ethical values makes it possible to identify a number of main components, such as philosophical foundations, centers and groups of intellectuals involved in their discussion, ways of communication with global civil society and power structures. These parameters are presented in a concentrated form in competing strategies and technologies for promoting ideas in the society. The typology of the ideas is possible based on the main object and instrument of reformation adopted by them.

The first group of strategies for promoting global constitutionalism reflects the traditional concept of using key norms and institutions of international law to promote it. According to this position, a global constitution already exists and it is the UN Charter (which at the time of its adoption was defined by some as a “constitution”). Therefore, the task is to build on its basis a consistent concept of the relationship between different levels of legal regulation – international (transnational), regional (international unions and their institutions) and national(state) law, ensuring the removal of contradictions between them through a dialogue between the courts – with consistent implementation of the principles of the Charter as constitutional.³⁵ The idea of the priority of integration processes at the intermediate level – the creation, under the patronage of the UN, of a number of regional international legal regimes uniting various groups of states (for example, following the model of the EU, which is considered as a model) with their subsequent mutual integration – can be

³⁴ S. Bhandari, *Global Constitutionalism and the Path of International Law* (Brill: Nijhoff, 2016).

³⁵ B. Fassbender, *The United Nations Charter as the Constitution of the International Community* (Leiden: Nijhoff, 2009).

recognized as a variant of this concept.³⁶ This concept, however, has been criticized both from a theoretical point of view (due to fundamental differences between international and constitutional law) and from a political point of view (as the implementation of this idea is impossible without reforming the UN or, at least, overcoming the contradictions of the leading member states of the UN Security Council, which looks quite unlikely in the nearest future).

The second group of strategies for promoting global constitutionalism implies doing it through the gradual reform of international law. Global constitutionalism is seen as a product of international law and the associated legal, academic and political agenda. The content of this strategy is the identification and justification of the application of constitutional principles in the field of international law in order to make the international order fair and more effective. The criteria for promoting this program are the constitutionalization of the function of the law of international responsibility and the creation of sectoral constitutions in special areas of international law. From these positions, the main parameters of the constitutionalization of international law should be recognized as follows: revision of the interpretation of state sovereignty (“humanized sovereignty” is opposed to it) and of the principle of state consent (it is partially replaced by the majority-based decision-making within the framework of global civil society); justification of the priority protection of a number of basic values (i.e. human rights, climate, possibly free trade), which receive universal acceptance reflected in international treaties; legalization of international disputes (establishment of international courts and tribunals with quasi-compulsory jurisdiction) and expansion of the role of transnational justice, with balancing as a constitutional technique. The solution of these tasks is seen only as the first step towards global constitutionalism.³⁷

The third group of strategies is based on the idea of legal dualism of international and national constitutional law and their “complementarity,” which implies building various modes of relations and interactions between them.³⁸ Prospects for the correlation of global and national constitutionalism include a number of options: (1) adding some constitutional content to some fundamental norms of international law; (2) mutual influence of two types of law based on “complementarity” (compensatory constitutionalism); (3) maintaining neutrality (flexible diversity); (4) gradual ousting of national constitutionalism (de-constitutionalization); (5) conflicts with unclear consequences; (6) convergence through interpretation (judicial constitutionalism); (7) a combination of hard law and soft law.³⁹ In general, we are talking about the replace-

³⁶ J. Habermas, *The Divided West* (Cambridge: Polity Press, 2008), 115–16.

³⁷ Peters, “The Merits of Global Constitutionalism,” 399.

³⁸ A. von Bogdandi, “Constitutionalism in International Law: Comment on a Proposal from Germany,” *Harvard International Law Journal*, vol. 47, no. 1 (2006): 223–42.

³⁹ For systematization of these positions, see Atilgan, *Global Constitutionalism*, 203.

ment or partial replacement of national norms with universal ones, bearing in mind such parameters of the global order as its legitimation, legalization and institutionalization. This determines the difference in the directions of the revision of the existing order. Consequently, if the concept of constitutional law should be revised, it is important to decide whether we are talking about a complete revision (up to the rejection of the independent meaning of national sovereign constitutions), about the implementation of the principle of legal dualism as “complementarity” (compensatory) for two branches of law, or about special transnational law (which is synonymous with neither international nor constitutional law).

The fourth group of strategies is based on the spontaneous transformation (adaptation) of law under the new conditions of global development through the consistent adoption of new standards and sources of law, rejection of a number of previous fundamental bases (first of all, the principle of state sovereignty), or modification of their meaning. The spontaneous nature of changes is reflected in the emergence of new areas of regulation, which, within the framework of social theory, are proposed to be defined as fragmentary regimes that generate new varieties of law.⁴⁰ But this approach is also important for understanding the transformations of traditional constitutionalism. The hypothesis is that there is a network effect in constitutionalism, i.e. the desirability and profitability for some countries of adopting the same type of constitutional regime that others have already adopted. Membership in constitutional networks provides access to a reservoir of legal capital, economic prosperity and external security. As a result, convergence tendencies are expected to outweigh polarization tendencies through targeted exploitation of this network effect.⁴¹ This strategy, consonant with the ideas of Internet constitutionalism and e-democracy,⁴² however, is entirely based on the assumption that the spontaneous action of the network effect always works in favor of the promotion of liberal democracy and global constitutionalism, which is not obvious, especially in connection with the attempts of states to put these communications under their direct control.

The fifth group of strategies relies on a political interpretation of global law and governance.⁴³ If understood as a process of leveling the conditions for further development, globalization leads to a change in international relations, increasing the role of binding obligations, constitutionalism and governance, actualizing the consideration of law as a “ruler” in general. International law, as it was formed historical-

⁴⁰ G. Teubner, *Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization* (Oxford: Oxford University Press, 2012).

⁴¹ D.S. Law and M. Versteeg, “The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism,” *California Law Review*, vol. 99, no. 5 (2011): 1163–64, 1173.

⁴² A.N. Medushevskii, “Constitution of Internet: the Idea, Projects and Prospects” [in Russian], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1 (2019): 71–86.

⁴³ E. Benvenisti, *Law of Global Governance* (Hague: Hague Academy of International Law, 2014).

ly, is unfair because it expresses the priority of the values and interests of the dominant countries and regions over the rest. However, law is a tool and master of globalization: it creates the design of the entire process, determines the nature, formal stages and directions of globalization. Contrary to the interpretation of international law by realists (who deny its binding character), it is the idea of binding obligations that is expressed in the concept of global constitutionalism and governance.⁴⁴ Recognizing the shortage of democracy at the international level, this approach defines global constitutionalism as a political trend and sees the main problem in ensuring the legitimacy of transnational institutions, and the main tool, in the adoption of new standards of global governance and diplomacy by the states.

The sixth group of strategies is based on the understanding of global constitutionalism as a constant dialogue between its actors, as a kind of permanent discussion by the parties of the changing content of the global social contract (the final formula of which, in principle, cannot be found). The very agreement of the parties to find a working balance between integration and disintegration processes creates for the participants in the dialogue a center of identity which opposes confrontational attitudes to the existing differences and allows them to move towards the convergence of positions. Constitutionalism is a constant juxtaposition of constituent and constitutional power. The creation of a constitution is an endlessly ongoing process, accompanied by debates and controversy (and even struggle). At the same time, constitutions must be postulated within the framework of maintaining the unity, order, and interaction, necessary to peacefully continue the joint search for a fully implemented constitution that establishes a legal balance between identity and difference. This will help close the existing gaps in both transnational and national constitutions and overcome the uncertainty in correcting errors in sectoral law in general.⁴⁵

The seventh group of strategies takes as a basis the principle of dominance in the process of globalization of one model of democracy (the “Western” one), often linking its fate with one state (the United States) or a group of states (the united “West”).⁴⁶ It proceeds from the fact that international law cannot in principle underlie the processes of legal integration (or can only play an auxiliary role in these processes) since it does not have the most important parameter of constitutionalism (the principle of sovereignty). If there is no world state, a world constitution is also impossible. The extreme position, considering “Pax Americana” as the basis and prototype of the global legal order restructuring, causes a growing rejection of both theorists of international law and supporters of the “multipolar world” and in particular of

⁴⁴ Bhandari, *Global Constitutionalism and the Path of International Law*.

⁴⁵ M. Rosenfeld, “Global Constitutionalism. Meaningful or Desirable?” *European Journal of International Law*, vol. 25, no. 1 (2014): 177–99.

⁴⁶ M. Byers and G. Nolte, eds., *United States Hegemony and the Foundations of International Law* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003).

those regions which seek to defend non-Western models of development (the so-called Global South or Global East)⁴⁷ This position dominates in Russian works which proceed from the fact that a “universal constitution” is “impossible in principle”⁴⁸ or is a “simulacrum” reflecting the ideology of Western expansion.⁴⁹

These seven reconstructed strategies revolve between two opposite extremes: the denial of the international constitution and its monopolar promotion. Covering the ideological, legal, institutional parameters of its achievement, they differ in the meaningful understanding of integration processes, but they are united in one thing: the desire to achieve a formalized consent of the actors of global legal regulation along the line of general acceptance of the procedures for its creation.

Conclusions: Prospects for global constitutionalism as a scientific theory and political ideology

It can be stated that the problems of global constitutionalism cannot be solved solely as legal problems. The theory of global constitutionalism has formulated a number of possible approaches from the standpoint of international law, its convergence with constitutional law or the transformation of the latter, drawing attention to the formation of a new hierarchy of transnational law norms (multilevel constitutionalism), the emergence of new actors (non-state law-making institutions) and the area of regulatory relations, of global administrative law and governance.

However, the process of putting the theory into practice revealed significant contradictions associated with the difficulties of constitutionalization of international relations: the discrepancy between the approaches of international and constitutional law (due to the difference in their nature); inapplicability of the classical theory of democracy at the global level (due to the unrealizability of the electoral accountability of international institutions); absence of a subject of this responsibility (in the form of the international equivalent of the sovereign of a national constitution); the impossibility of implementing the principles of transparency and separation of powers at the transnational level, and, most importantly, the impossibility of overcoming the growing erosion of the key international institutions legitimacy. The only achievements on the path of global constitutionalism were the formulation of the problem of convergence of international and constitutional law, the limited constitutionalization of a number of fundamental norms on human rights (the fact of including them into international treaties), and the development of standards for

⁴⁷ D.B. Maldonado, ed., *Constitutionalism of the Global South* (Cambridge: Cambridge University Press, 2013).

⁴⁸ A.A. Dorskaya and S.V. Bochkarev, eds., *International and Constitutional Law: Problems of Interaction* [in Russian] (St Petersburg: Alef-Press, 2016), 11.

⁴⁹ See, e.g., V.V. Goncharov, *Global Constitutionalism: a Socio-philosophical Analysis* [in Russian] (Moscow: Sputnik, 2016).

transnational judicial practice in landmark cases. This means that it is not legal but political differences that hinder reaching consensus.

Therefore, it is legitimate to raise the question of global constitutionalism as a new political ideology opposing the ideology of global anti-constitutionalism, which is directly opposite to it. In the context of the crisis of globalization (replaced by the processes of de-globalization), the consistent degradation of international law and the expansion of contradictions along the line of multilevel constitutionalism are detected. This process has a logical explanation: the vacuum of legitimacy of transnational institutions is compensated by the legitimation of populist constitutional initiatives at the national level, which leads to the destruction of constitutional principles per se. The result is the destabilization of the entire global regulatory system: on the one hand, the presence of a “vacuum of constitutionalism” and democracy at the international level, on the other hand, the weakening of traditional national constitutions that have faced the processes of re-traditionalization, the erosion of the language of constitutionalism (semantic substitution of concepts), the emergence of imitative forms and imaginary constitutionalism, and a populist revision of the key principles of the rule of law and the growth of authoritarian tendencies around the world in general. Based on this, the content of the ideology of global constitutionalism should be to overcome the vacuum of legal regulation at the global level, and its subject matter should be to ensure a political consensus of actors of the international community on the content, forms and methods of implementing integration processes, and finally, its goal should be to create a fair, predictable and effective legal order.

From our point of view, a new formula of global constitutionalism can become the basis for the consensus. We propose to define it from the standpoint of cognitive-information theory as a purposeful activity on constructing a new global legal order,⁵⁰ where the stages are fixed in projects, norms and practices which reflect the progress of the whole society towards this goal. The theory of global constitutionalism in this interpretation is a cognitive framework for a value-neutral study of global processes of legal development that go beyond their normative understanding and include the logic of the formation of legal consciousness, a set of psychological, institutional and behavioral attitudes of individuals who are aware of their belonging to the global community. Overcoming the conflict of philosophical, normative and functional concepts is therefore achieved by interpreting them as different (but still complementary) logical (linguistic) expressions of values, norms and attitudes of various levels, ensuring the unity of the system of global legal regulation.

In the ideological dimension, selection and critical assessment of the potential of the competing strategies for building a new legal order from the standpoint of the

⁵⁰ A.N. Medushevskii, *Political Writings: Law and Power in the Context of Social Transformation* [in Russian] (Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015).

ethical ideal of the cosmopolitan world order is of key importance. This assessment includes the entire set of factors of information exchange (both direct and indirect ones) that determine the motives and attitudes of developers, the design of principles, their legal fixation (in the form of norms), interpretation, and further application in practice. The focus is on the process of constructing new legal relations along the lines of cognitive attitudes, motivation, stereotypes of hard and soft law and its main types (international, constitutional and administrative law) with an emphasis on the formation of new customary law, conventional norms, the logic of judicial and political interpretation which together create a new legal policy in the global sphere.

From these positions, the main problem of global constitutionalism should be revised. Instead of asking where the limits and boundaries of its implementation lie, it is expedient to find out what the limits of legal fragmentation are and how its consistent supporters expect to survive in the face of a rapid and unpredictable change in the “rules of the game” of the emerging “multipolar world.” In other words, does the rejection of global constitutionalism mean the beginning of the era of the “game with no rules,” of global legal nihilism? If this trend prevails (weakening of international legal institutions with the onset of the “World Time of Troubles”), how and who will carry out mediation of international conflicts in the field of human rights and constitutional guarantees? Will it be new transnational structures, the most powerful states, or unstable unions of local partners, united exceptionally by opportunistic political interests?

The statement of these questions itself leads to a clear separation of the current and long-term interests of the participants in the international processes, emphasizing their responsibility for choosing an adequate picture of the future. In this perspective, global constitutionalism is not a form of describing the existing legal order or the current balance of forces and interests, but rather a guarantee of the minimum necessary level of stability of the core of legal relations of a changing society, a new public law ethics, ideology and global policy of the law of a transnational social movement aimed at preserving it in future.

Список литературы

Гончаров В.В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ. – Москва: Спутник, 2016. – 279 с.

Медушевский А.Н. Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // *Общественные науки и современность*. – 2019. – № 1. – С. 71–86.

Медушевский А.Н. Веймарская Америка: политическая дискуссия о причинах упадка великой демократии // *Полития*. – 2019. – № 3 (94). – С. 127–160.

Медушевский А.Н. Конституционная ретрадиционализация в Восточной Европе и России // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2018. – № 1 (122). – С. 13–32.

Медушевский А.Н. Политические сочинения: право и власть в условиях социальных трансформаций. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 507 с.

Медушевский А.Н. Тенденции постсоветских политических режимов в свете новейшей волны конституционных поправок // *Общественные науки и современность*. – 2018. – № 2. – С. 49–65.

Международное и конституционное право: проблемы взаимодействия / под редакцией А.А. Дорской, С.В. Бочкарева. – Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2016. – 493 с.

Atilgan A. *Global Constitutionalism. A Socio-Legal Perspective.* – Heidelberg: Springer, 2018. – 312 p.

Benhabib S. *The New Sovereignism and Transnational Law: Legal Utopianism, Democratic Scepticism and Statist Realism // Global Constitutionalism.* – 2016. – Vol. 5. – No. 1. – P. 109–144.

Benvenisti E. *Law of Global Governance.* – Hague: Hague Academy of International Law, 2014. – 331 p.

Bhandari S. *Global Constitutionalism and the Path of International Law.* – Brill: Nijhoff, 2016. – 374 p.

Brown G.W. *The Constitutionalisation of What? // Global Constitutionalism.* – 2012. – Vol. 1. – No. 2. – P. 201–228.

Carducci M. *Cross-constitutionalism and Sustainable comparison // Sociology of Constitutions: A paradoxical perspective / edited by A. Febrajo, G. Corsi.* – London: Routledge, 2016. – P. 137–165.

Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / edited by S. Choudhry. – New York: Oxford University Press, 2008. – 496 p.

Constitutionalism of the Global South / edited by D.B. Maldonado. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 422 p.

Delpano R. *Fragmentation and Constitutionalization of International Law. A Theoretical Inquiry // European Journal of Legal Studies.* – 2013. – Vol. 6. – No. 1. – P. 67–89.

Diggelmann O., Altwicker T. *Is There Something Like a Constitution of International Law? A Critical Analysis of the Debate on World Constitutionalism // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht.* – 2008. – Vol. 68. – S. 623–650.

Dunoff J.L., Wiener A., Kumm M., Lang A.F. *Hard Times: Progress Narratives, Historical Contingency and the Fate of Global Constitutionalism // Global Constitutionalism.* – 2015. – Vol. 4. – No. 1. – P. 1–17.

Fassbender B. *The United Nations Charter as the Constitution of the International Community.* – Leiden: Nijhoff, 2009. – 216 p.

Fierke K.M. *Introduction: Independence, Global Entanglement and the Co-Production of Sovereignty // Global Constitutionalism.* – 2017. – Vol. 6. – No. 2. – P. 167–183.

Global Constitutionalism and Its Challenges to Westphalian Constitutional Law / edited by M. Belov. – London: Hart, 2018. – 304 p.

Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives / edited by T. Suami, M.Kumm, A. Peters, and D. Vanoverbeke. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 622 p.

Habermas J. *The Divided West.* – Cambridge: Polity Press, 2008. – 248 p.

Halmaj G. *Perspectives on Global Constitutionalism: the Use of Foreign and International Law.* – Hague: Eleven International Publishing, 2014. – 286 p.

Handbook on Global Constitutionalism / edited by A.F. Lang, A. Wiener. – Cheltenham, UK, Northampton, Mass.: Edward Elgar Publishing, 2017. – 422 p.

Havercroft J., Wiener A., Kumm M., Dunoff J. Editorial. Donald Trump as Global Constitutional Breaching Experiment // *Global Constitutionalism*. – 2018. – Vol. 7. – No. 1. – P. 1–13.

Hirschl R. Opting Out of “Global Constitutionalism” // *The Law and Ethics of Human Rights* / ed. G. Stopler. – 2018. – Vol. 12. – No. 1. – P. 1–36.

Hirschl R. Towards Juristocracy: The Origin and Consequences of the New Constitutionalism. – Cambridge: Harvard University Press, 2004. – 296 p.

Kleinlein T. Between Myths and Norms: Constructivist Constitutionalism and the Potential of Constitutional Principles in International Law // *Nordic Journal of International Law*. – 2012. – Vol. 81. – P. 79–132.

Kleinlein Th., Peters A. International Constitutional Law. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199796953/obo-9780199796953-0039.xml> (дата обращения – 14.07.2020)

Kumm M. The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: An Integrated Concept of Public Law // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. – 2013. – Vol. 20. – No. 2. – P. 605–628.

Kumm M., Lang A.F., Tully J., Wiener A. How Large is the World of Global Constitutionalism? // *Global Constitutionalism*. – 2014. – No. 3. – P. 1–8.

Lachmayer K. Counter-developments to Global Constitutionalism // *Global Constitutionalism and its Challenges to Westphalian Constitutional Law* / edited by M. Belov. – Oxford: Hart Publishing, 2018. – P. 81–102.

Law D.S., Versteeg M. The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // *California Law Review*. – 2011. – Vol. 99. – No. 5. – P. 1163–1258.

Moller K. The Global Model of Constitutional Rights. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 239 p.

Peters A. Are We Moving toward the Constitutionalization of the World Community? // *Realizing Utopia: the Future of International Law* / edited by A. Cassese. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 118–135.

Peters A. Global Constitutionalism // *Encyclopedia of Political Thought* / edited by M. Gibbonus. – London: Wiley-Blackwell, 2015. – P. 1484–1487.

Peters A. The Constitutionalist Reconstruction of International Law: Pros and Cons // *NCCR TRADE Working Paper*. – 2006. – No. 1. – P. 1–10.

Peters A. The Merits of Global Constitutionalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. – 2009. – Vol. 16. – No. 2. – P. 397–411.

Rosenfeld M. Global Constitutionalism. Meaningful or Desirable? // *European Journal of International Law*. – 2014. – Vol. 25. – No. 1. – P. 177–199.

Ruling the World? Constitutionalism, International Law and Global Governance / edited by J. Dunoff, J.P. Truchtman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 432 p.

Schwöbel C.E.J. Global Constitutionalism in International Legal Perspective. – Leiden; Boston: Martinus Nijhoff publications, 2011. – 208 p.

Schwöbel C.E.J. Situating the Debate on Global Constitutionalism // *International Journal of Constitutional Law*. – 2010. – Vol. 8. – No. 3. – P. 611–635.

Sihvo O. Global Constitutionalism and the Idea of Progress // *Helsinki Law Review*. – 2018. – Vol. 12. – No. 1. – P. 10–34.

Social and Political Foundations of Constitutionalism / edited by D.J. Galligan, M. Versteeg. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 650 p.

Somek A. The Cosmopolitan Constitution. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 304 p.

Teitel R.G. Transitional Justice. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 304 p.

Teubner G. Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 226 p.

The Constitutionalization of International Law / edited by J. Klabbers, A. Peters, G. Ulfstein. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 414 p.

Transnational Constitutionalism: International and European Perspectives / edited by N. Tsagourias. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 392 p.

United States Hegemony and the Foundations of International Law / edited by M. Byers, G. Nolte. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 550 p.

Von Bogdandi A. Constitutionalism in International Law: Comment on a Proposal from Germany // Harvard International Law Journal. – 2006. – Vol. 47. – No. 1. – P. 223–242.

Wiener A., Lang A.F., Tully J., Maduro M.P., Kumm M. Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law // Global Constitutionalism. – 2012. – No.1. – P. 1–15.

Xavier S. False Universalism of Global Governance Theories: Global Constitutionalism, Global Administrative Law, International Criminal Institutions and the Global South: PhD Diss. – Osgoode Hall Law School, 2015. – 345 p. – URL: <http://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/phd/20> (дата обращения – 14.07.2020)

Yahyaoui-Krivenko E. Rethinking Human Rights and Global Constitutionalism. From Inclusion to Belonging. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 200 p.

References

Atilgan, A. *Global Constitutionalism. A Socio-Legal Perspective*. Heidelberg: Springer, 2018.

Belov, M., ed. *Global Constitutionalism and Its Challenges to Westphalian Constitutional Law*. London: Hart, 2018.

Benhabib, S. “The New Sovereignism and Transnational Law: Legal Utopianism, Democratic Scepticism and Statist Realism.” *Global Constitutionalism*, vol. 5, no. 1 (2016): 109–44.

Benvenisti, E. *Law of Global Governance*. Hague: Hague Academy of International Law, 2014.

Bhandari, S. *Global Constitutionalism and the Path of International Law*. Brill: Nijhoff, 2016.

Brown, G.W. “The Constitutionalisation of What?” *Global Constitutionalism*, vol. 1, no. 2 (2012): 201–28.

Byers, M., and G. Nolte, eds. *United States Hegemony and the Foundations of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Carducci, M. “Cross-constitutionalism and Sustainable Comparison.” In *Sociology of Constitutions: A Paradoxical Perspective*, edited by A. Febrajo and G. Corsi, 137–65. London: Routledge, 2016.

Choudhry, S., ed. *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* New York: Oxford University Press, 2008.

Delpano, R. “Fragmentation and Constitutionalization of International Law. A Theoretical Inquiry.” *European Journal of Legal Studies*, vol. 6, no. 1 (2013): 67–89.

Diggelmann, O., and T. Altwicker. “Is There Something Like a Constitution of International Law? A Critical Analysis of the Debate on World Constitutionalism.” *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, vol. 68 (2008): 623–50.

- Dorskaya, A.A., and S.V. Bochkarev, eds. *Mezhdunarodnoe i konstitutsionnoe pravo: problemy vzaimodeistviya* [International and constitutional law: problems of interaction]. St Petersburg: Alef-Press, 2016. (In Russian)
- Dunoff, J., and J.P. Truchtman, eds. *Ruling the World? Constitutionalism, International Law and Global Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Dunoff, J.L., A. Wiener, M. Kumm, and A.F. Lang. "Hard Times: Progress Narratives, Historical Contingency and the Fate of Global Constitutionalism." *Global Constitutionalism*, vol. 4, no. 1 (2015): 1–17.
- Fassbender, B. *The United Nations Charter as the Constitution of the International Community*. Leiden: Nijhoff, 2009.
- Fierke, K.M. "Introduction: Independence, Global Entanglement and the Co-Production of Sovereignty." *Global Constitutionalism*, vol. 6, no. 2 (2017): 167–83.
- Galligan, D.J., and M. Versteeg, eds. *Social and Political Foundations of Constitutionalism*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Goncharov, V.V. *Global'nyi konstitutsionalizm: sotsial'no-filosofskii analiz* [Global constitutionalism: a socio-philosophical analysis]. Moscow: Sputnik, 2016. (In Russian)
- Habermas, J. *The Divided West*. Cambridge: Polity Press, 2008.
- Halmai, G. *Perspectives on Global Constitutionalism: the Use of Foreign and International Law*. Hague: Eleven International Publishing, 2014.
- Havercroft, J., A. Wiener, M. Kumm, and J. Dunoff. "Editorial. Donald Trump as Global Constitutional Breaching Experiment." *Global Constitutionalism*, vol. 7, no. 1 (2018): 1–13.
- Hirschl, R. "Opting Out of 'Global Constitutionalism.'" *The Law and Ethics of Human Rights*, vol. 12, no. 1 (2018): 1–36.
- Hirschl, R. *Towards Juristocracy: The Origin and Consequences of the New Constitutionalism*. Cambridge: Harvard University Press, 2004.
- Klabbers, J., A. Peters, and G. Ulfstein, eds. *The Constitutionalization of International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Kleinlein, T. "Between Myths and Norms: Constructivist Constitutionalism and the Potential of Constitutional Principles in International Law." *Nordic Journal of International Law*, vol. 81 (2012): 79–132.
- Kleinlein, Th., and A. Peters. *International Constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press. Accessed July 14, 2020. <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199796953/obo-9780199796953-0039.xml>
- Kumm, M. "The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: An Integrated Concept of Public Law." *Indiana Journal of Global Legal Studies*, vol. 20, no. 2 (2013): 605–28.
- Kumm, M., A.F. Lang, J. Tully, and A. Wiener. "How Large is the World of Global Constitutionalism?" *Global Constitutionalism*, no. 3 (2014): 1–8.
- Lachmayer, K. "Counter-developments to Global Constitutionalism." In *Global Constitutionalism and its Challenges to Westphalian Constitutional Law*, edited by M. Belov, 81–102. Oxford: Hart Publishing, 2018.
- Lang, A.F., and A. Wiener, eds. *Handbook on Global Constitutionalism*. Cheltenham, UK; Northampton, Mass.: Edward Elgar Publishing, 2017.
- Law, D.S., and Versteeg, M. "The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism." *California Law Review*, vol. 99, no. 5 (2011): 1163–258.
- Maldonado, D.B., ed. *Constitutionalism of the Global South*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Medushevskii, A.N. “Konstitutsionnaya retraditsionalizatsiya v Vostochnoi Evrope i Rossii” [Constitutional re-traditionalization in Eastern Europe and Russia]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 1 (122) (2018): 13–32. (In Russian)

Medushevskii, A.N. “Konstitutsiya Interneta: ideya, proekty i perspektivy” [Constitution of Internet: the idea, projects and prospects]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1 (2019): 71–86. (In Russian)

Medushevskii, A.N. “Tendentsii postsovetskikh politicheskikh rezhimov v svete noveishei volny konstitutsionnykh popravok” [Post-soviet political regimes: developing trends in the light of current amendments wave]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2 (2018): 49–65. (In Russian)

Medushevskii, A.N. “Veimarskaya Amerika: politicheskaya diskussiya o prichinakh upadka velikoi demokratii” [Weimar America: a political discussion on the causes of the decline of one great democracy]. *Politiya*, no. 3 (94) (2019): 127–60. (In Russian)

Medushevskii, A.N. *Politicheskie sochineniya: pravo i vlast' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii* [Political writings: law and power in the context of social transformation]. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. (In Russian)

Moller, K. *The Global Model of Constitutional Rights*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Peters, A. “Are We Moving toward the Constitutionalization of the World Community?” In *Realizing Utopia: the Future of International Law*, edited by A. Cassese, 118–35. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Peters, A. “Global Constitutionalism.” In *Encyclopedia of Political Thought*, edited by M. Gibbons, 1484–87. London: Wiley-Blackwell, 2015.

Peters, A. “The Constitutionalist Reconstruction of International Law: Pros and Cons.” NCCR TRADE working paper 1. Swiss National Centre of Competence in Research, 2006. Accessed July 14, 2020. <http://edoc.unibas.ch/42733/>.

Peters, A. “The Merits of Global Constitutionalism.” *Indiana Journal of Global Legal Studies*, vol. 16, no. 2 (2009): 397–411.

Rosenfeld, M. “Global Constitutionalism. Meaningful or Desirable?” *European Journal of International Law*, vol. 25, no. 1 (2014): 177–99.

Schwöbel C.E.J. *Global Constitutionalism in International Legal Perspective*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publications, 2011.

Schwöbel, C.E.J. “Situating the Debate on Global Constitutionalism.” *International Journal of Constitutional Law*, vol. 8, no. 3 (2010): 611–35.

Sihvo, O. “Global Constitutionalism and the Idea of Progress.” *Helsinki Law Review*, vol. 12, no. 1 (2018): 10–34.

Somek, A. *The Cosmopolitan Constitution*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Suami, T., M. Kumm, A. Peters, and D. Vanoverbeke, eds. *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Teitel, R.G. *Transitional Justice*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Teubner, G. *Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Tsagourias, N., ed. *Transnational Constitutionalism: International and European Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Von Bogdandi, A. “Constitutionalism in International Law: Comment on a Proposal from Germany.” *Harvard International Law Journal*, vol. 47, no. 1 (2006): 223–42.

Wiener, A., A.F. Lang, J. Tully, M.P. Maduro, and M. Kumm. “Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law.” *Global Constitutionalism*, no.1 (2012): 1–15.

Xavier, S. *False Universalism of Global Governance Theories: Global Constitutionalism, Global Administrative Law, International Criminal Institutions and the Global South*. PhD diss., Osgoode Hall Law School, 2015. PhD Dissertations. 20. Accessed July 14, 2020. <http://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/phd/20>.

Yahyaoui-Krivenko, E. *Rethinking Human Rights and Global Constitutionalism. From Inclusion to Belonging*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Андрей Николаевич Медушевский

Доктор философских наук,
ординарный профессор,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-4314-662X>
amedushevsky@mail.ru

Andrei N. Medushevskii

Doctor of Science in Philosophy,
Tenured Professor,
National Research University
“Higher School of Economics”
Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-4314-662X>
amedushevsky@mail.ru